

БАЗОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ (ECONOMICS) И ИХ КРИТИКА¹

" В своей начальной стадии это творчество относится фанатически враждебно к существующей широко разветвленной систематизации прежнего принципа; оно отчасти также опасается, что потеряется в пространных частностях, но отчасти пугается труда, которого потребовала бы научная разработка, и, чувствуя потребность в такой разработке, хватается сначала за пустой формализм.

Требование, чтобы содержание подверглось обработке и было развито, становится после этого еще настоятельнее. В ходе развития той или иной эпохи, как и в ходе развития отдельного человека, бывает период, когда дело идет главным образом о приобретении и отстаивании принципа во всей его неразвитой напряженности. Но более высокое требование состоит в том, чтобы этот принцип развился в науку".

Г. В. Г. Гегель²

Настоящий доклад является первой попыткой обобщения серии докладов, подготовленных сотрудниками Института экономики РАН. При его написании использована лишь сравнительно небольшая часть материалов, подготовленных д.с.н. С.Г. Кирдиной, к.ф.н. О. Б. Кошовец, к.э.н. А М Либманом, д.э.н. Р. М. Нуреевым, д.э.н. Ю.Я. Ольсевичем и д.ф.н. А.Я. Рубинштейном.

В докладе рассматриваются основные базовые предпосылки современной экономической теории, которые подверглись критическому анализу в послекризисных книгах и статьях ведущих западных ученых. Были затронуты следующие фундаментальные вопросы экономической науки:

1. Теория vs Реальность.
2. Позитивный vs Нормативный анализ;
3. Рациональность vs Иррациональность;
4. Общество vs Личность;
5. Равновесие vs Развитие;

Особое внимание в ходе кризиса было приковано к макроэкономическим моделям, их несовершенству и оторванности от реальных проблем реальной экономики, но им будет посвящён специальный доклад, в который будут включены подготовленные сотрудниками Института экономики РАН материалы. Критика базовых предпосылок современных *макроэкономических теорий* содержится в докладах академика РАН, д.э.н. В.И.Маевского, д.э.н. М.И. Воейкова, д.э.н. Д.Ш. Гогохии, д.э.н. Р.Н.Евстигнеева, д.э.н.П.А.Ореховского и к.э.н. И.Г.Чаплыгиной.

Поскольку вопросы институционального анализа приобретают в настоящее время всё большее значение целесообразно ещё один (самостоятельный) доклад посвятить критике базовых предпосылок институционального подхода, сложившегося в современной экономической науке. По этому вопросу интересный материал имеется в докладах академика РАН, д.э.н. В.И.Маевского, к.э.н. О.И.Ананьина, д.с.н. С.Г. Кирдиной, д.э.н. А.В. Одинцовой, д.э.н. Ю.Я. Ольсевича, д.э.н. Ю.Г. Павленко и д.ф.н. А.Я. Рубинштейна.

Ещё раз подчеркнём, что настоящий первый обзор не претендует на исчерпывающее освящение данной многогранной проблемы, но лишь намечает перспективные направления её дальнейшего исследования.

¹ Доклад подготовлен авторским коллективом в составе: д.э.н. Р. М. Нуреев (руководитель авторского коллектива), д.с.н. С.Г. Кирдина, к.ф.н. О. Б. Кошовец, к.э.н. А М Либман, д.э.н. Ю.Я. Ольсевич, д.ф.н. А.Я. Рубинштейн.

² Гегель Г. Наука логики. Т. 1. М.: Мысль 1970. С.3.

1. Теория vs Реальность.

1.1. Основы современного экономического моделирования.

Современная экономическая наука основана на экономическом моделировании. Экономическая модель - это формализованное описание экономического процесса или явления, структура которого определяется как его объективными свойствами, так и субъективным целевым характером исследования.

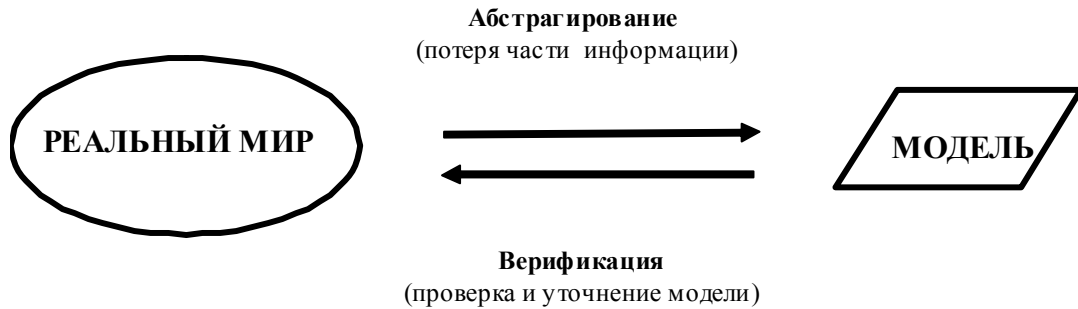

Рис. 1. Взаимосвязь модели и реального мира

Создание модели связано с потерей части информации (см. рис. 1). Это позволяет абстрагироваться от второстепенных явлений, сконцентрировать внимание на главных элементах системы и их взаимосвязи. Связь модели с объективной экономической действительностью двояка: с одной стороны, модель отражает реальный мир, является его условным воспроизведением, а с другой - служит его преобразованию в соответствии с поставленными целями. Поэтому в процессе верификации модели происходит ее конкретизация и уточнение. Однако возникает вопрос о границах моделирования – в какой степени модели отражают (или не отражают) реальность.

Эмпирическая проверка может завершиться созданием самостоятельной эконометрической модели. Однако, эмпирическая проверка бывает нужна далеко не всегда. Исследование может завершиться созданием универсальной теоретической модели, которая сама по себе обладает определенной прогностической силой. В любом случае, модели, которые позволяют составить реальные прогнозы, пользуются большей популярностью среди политологов и экономистов. К сожалению, их число относительно невелико. Дело в том, что во многих экономических процессах большую роль играет элемент случайности, который нередко сводит на нет хорошо составленные прогнозы.

Поэтому закономерно возникает вопрос о том, нужны ли модели вообще. Современная наука дает на него однозначно положительный ответ – нужны. Хотя, конечно, любое моделирование имеет свои достоинства и недостатки. Остановимся сначала на достоинствах.

Во-первых, модель, значительно упрощая действительность, помогает отделить главные черты от второстепенных, внутренние от внешних, постоянно повторяющиеся от случайных.

Во-вторых, модель помогает формализовать происходящие в обществе события. Формализация приводит к значительному уточнению первоначальных эксплицитных представлений, типичных для обыденного сознания и неформальных моделей.

В-третьих, модели позволяют более точно определить существующие закономерности, о которых мы могли догадываться и до создания модели, более строго определить структуру тех или иных явлений, временные лаги и т.д. Именно эта особенность математического моделирования позволяет составлять точные прогнозы.

В-четвертых, моделирование позволяет установить существенные взаимосвязи более высокого уровня, увидеть черты общности у разнородных явлений. Это делает

возможным использовать модели, созданные в экономической теории в смежных областях.

Рис. 2. Интегральная концепция социальных наук Гальтунга

Источник: Galtung J. Essays in Metodology. Vol. I. Metodology and Ideology. Copengagen, 1977, p.41-71

Эмпирическое исследование позволяет на базе конкретных данных построить рабочую гипотезу, которая благодаря ценностным установкам исследователя превращается в теорию. Теория позволяет не только понять, данный эмпирический мир, но и предвидеть возможности его будущего развития. Таким образом, исследователь становится не просто наблюдателем, но и активным действующим лицом, способным в какой-то мере повлиять на развитие общества в определенном направлении. Эта взаимосвязь теории и практики удачно представлена в интегральной схеме социальных наук Дж. Гальтунга (См. рис. 2).

Гальтунг рассматривает три аспекта научной деятельности: эмпиризм, критицизм и конструктивизм. Именно их взаимодействие и переход обеспечивают развитие науки. Они позволяют не только описать существующие явления и процессы, но и создать предпосылки для исправления и улучшения реальности. Однако при этом нередко возникают попытки абсолютизации одного из аспектов взаимосвязанной научной деятельности. Это наглядно видно, если сравнить подход экономистов с подходом политологов к анализу проблем новой политической экономии.

1.2. Новая политическая экономия глазами экономистов и политологов

Новая политическая экономия (НПЭ) представляет собой один из наиболее успешных проектов интеграции дисциплин в социальных науках.

В результате на сегодняшний день представители НПЭ и политологи³ занимаются практически совпадающим кругом вопросов; активно заимствуют теоретический аппарат друг у друга; используют очень похожие формальные и количественные методы (и опираются при этом как на теорию рационального выбора, так и на поведенческие теории); ссылаются на одних и тех же исследователей. Исследования представителей НПЭ все чаще публикуются в ведущих политологических журналах, а статьи политологов – в журналах НПЭ. Однако именно близость НПЭ и политологии с точки зрения ключевых тем и методов исследований позволяет четко увидеть более тонкие различия в

³ Необходимо отметить, что в данном случае существует небольшая терминологическая проблема: термин «политическая экономия» используется и в политологии для описания исследований, занимающихся взаимодействием экономики и политики; спектр НПЭ в экономической науке гораздо шире и охватывает всю традиционную политологическую проблематику.

методологии двух исследовательских сообществ. Далее мы коротко обсудим эти специфические отличия для количественных эмпирических исследований⁴.

1. *Определение причинно-следственных взаимосвязей*: И НПЭ, и политология стремятся, прежде всего, определить причинно-следственные взаимосвязи между явлениями (например, типом политической системы и экономическим развитием). Хотя в качестве «первого приближения» и политологи, и экономисты используют регрессионный анализ, в обоих научных сообществах существует четкое понимание того, что для исследований политики стандартные регрессии МНК не позволяют определить направление причинно-следственных связей из-за многочисленных проблем эндогенности. Однако способ решения возникшей проблемы у политологов и экономистов различается. Экономисты полагаются на использование более совершенной эконометрической методологии, совершившей в последнее десятилетие масштабный скачок с точки зрения совершенствования стратегий идентификации и решения проблемы эндогенности (Angrist, Pischke, 2010). Адекватная стратегия идентификации эконометрической модели для экономиста означает, что проблема эндогенности, скорее всего, решена; поэтому нередко темы для исследований отбираются с точки зрения доступности стратегий идентификации (скажем, инструментальных переменных), а не наоборот (Gelman, 2009).

Политологи, скорее, фокусируют свое внимание на понимании конкретного механизма, определяющего зависимость переменных. Иначе говоря, даже идеальная стратегия идентификации для политолога еще не объясняет, *почему* тот или иной фактор влияет на другой. Для решения данной проблемы в политологии активно применяются качественные методы и, в последние годы, смешанные методы, сочетающие количественные и качественные исследования. Однако, как следствие, политологи часто используют значительно более простую эконометрику – ведь стимулы для применения более совершенных стратегий идентификации отсутствуют. Хороший пример разногласий между политологами и экономистами – исследование влияния исторических факторов на современную политику⁵. Если для экономиста проблема сводится к устранению ненаблюдаемой разнородности (unobserved heterogeneity), и если ее удастся успешно решить, то существование исследуемой зависимости можно считать доказанным, то для политолога зависимость установлена лишь тогда, когда выявлен порождающий ее механизм, причем, как правило, не методами эконометрики (а на основе качественных исследований). В результате в глазах экономистов политологи часто применяют несовершенную и неадекватную сложности поставленной задачи эконометрику; экономисты в глазах политологов часто «останавливаются на полпути», ограничиваясь лишь выявлением статистической взаимосвязи, но не механизма.

2. *Теория*: Для экономиста роль теории в эмпирическом исследовании является однозначной: речь идет о формальной математической модели, причем в идеале оцениваются регрессии, напрямую выведенные из модели («структурная модель»). Этот идеал в НПЭ удастся достичь крайне редко, поэтому обычно теоретическая модель лишь задает общие направления связей между переменными, которые исследует эмпирик; при этом математическая модель, по определению, рассматривается как применимая к самым различным объектам исследования за счет простого переобозначения переменных. В политологии, возможно в силу большей разнородности дисциплины и сосуществования

⁴ Надо подчеркнуть, что описанные нами ниже особенности НПЭ и политологии не должны восприниматься как свойственные *всем без исключения* представителям дисциплин; в НПЭ немало исследователей, скорее соответствующих описанию политологов, представленному ниже, и наоборот. Поэтому приведенное описание является упрощенным, хотя и позволяет выделить некоторые особенности, свойственные «среднестатистическим» представителям научных сообществ.

⁵ См., например, Darden, Grzymala-Busse, 2006; Becker, Boeckh, Hainz, Woessmann, 2009; Grosjean, Senik, 2011; Lankina, Getachew, 2012.

множества альтернативных «теоретических языков», гораздо важнее «концептуализация», то есть «связь» теории с конкретным контекстом и четко определение терминов. Политологи в целом более открыты к чисто вербальным теориям, где основную роль играет именно дискуссия о терминах. Как следствие, в глазах экономиста политологические работы тратят время на бесконечные дискуссии о точном определении конкретных понятий (скажем, отличия «децентрализации» и «федерализма», таксономию «политических режимов» и их трансформаций и т.д.), вместо того, чтобы просто договориться о предмете исследования в настоящей работе и перейти, собственно, к анализу причинно-следственных взаимосвязей. Экономисты же в глазах политологов часто недостаточно четко понимают, как соотносится формальная модель с конкретным объектом исследования и где находятся «пределы применимости» результатов.

3. *Данные:* Высокие требования к качеству эконометрики заставляют экономистов предъявлять высокие требования к качеству данных с точки зрения числа наблюдений: сегодня трудно найти хорошую экономическую работу, не использующую панельные данные или микроданные. Такие данные, однако, как правило, не могут быть сгенерированы отдельным исследователем; поэтому экономисты очень часто используют одинаковые базы данных, меняя лишь исследовательские гипотезы и эконометрические методы (в результате возникают целые циклы работ, отличающиеся лишь методологией эконометрики). В некоторых областях экономики (таких, как финансы) использование стандартных баз данных в принципе является предпочтительным; в НПЭ новые данные приветствуются, но гораздо важнее качество эконометрики – поэтому применение уже существующей базы данных может оказаться хорошей стратегией. Политологи, напротив, огромное внимание уделяют именно сбору первичных данных (пусть даже представляющих собой небольшие выборки). Соответственно, экономисты гораздо чаще готовы «смириться» с тем или иным определением переменных (даже если оно является неидеальным) и в принципе уделяют меньше внимания обсуждению данных – политологи же крайне требовательны к качеству данных и уделяют огромное внимание проблеме измерения – в ущерб вниманию к эконометрике.

Итак, хотя НПЭ и политология сегодня в равной степени делают акцент на количественных исследованиях, и между ними практически отсутствуют различия с точки зрения тематики, методология дисциплин все же различается. Для экономиста политологи уделяют чрезмерное внимание «техническим частностям» (проблеме измерения) при сомнительной эконометрической методологии, не обеспечивающей решения проблемы идентификации, тратят время на бесконечные споры о терминах и «заполняют бреши» в эконометрической аргументации за счет «рассказывания историй». Для политолога экономисты также уделяют чрезмерное внимание «техническим частностям» - деталям эконометрической методологии – используя сомнительные и непригодные данные, упрощенные модели, часто не соответствующие исследуемой проблематике, и игнорируют необходимость понимания обуславливающих эконометрические закономерности причинно-следственных механизмов. Мы хотели бы подчеркнуть, что не считаем «экономический» или «политологический» подход более привлекательным – оба они обладают достоинствами и недостатками, и оба позволяют получать интереснейшие результаты. Однако именно дискуссия между двумя вариантами столь близкой методологии и представляется, на наш взгляд, важнейшим методологическим вызовом и для НПЭ, и для политической науки.

1.3. Критика нереальности онтологических предпосылок

Как известно современная экономическая теория, основанная на общепринятых экономических моделях, оказалась неспособной предвидеть текущий финансово-экономический кризис, и этот факт стимулировал широкое обсуждение и переосмысление основ дисциплины, которое в основном вращается вокруг трех тем: содержательные

проблемы теории (засилье формализма); методологические и эпистемологические причины; институциональные причины, сложившаяся практика преподавания экономики и необходимость смены имеющейся дисциплинарной модели.

Кризис позволил с новой силой возобновить жесткую критику множества ключевых допущений мейнстрима (которые некоторые также называют "теорией рыночного фундаментализма"), включая понятия "эффективного рынка" и "рациональных ожиданий", на которых эти модели основывают свои утверждения.⁶ Эти предпосылки широко признаны как нереалистичные или чрезмерно упрощающие реальность.⁷ Некоторые критики также указывают на роль эпистемологических и методологических шор, основанных на ключевых принципах логического позитивизма, которые надежно предохраняют мейнстрим от обнаружения кризиса⁸. В этой связи в литературе широко ставится вопрос о том, что финансовые кризисы последних 20 лет должны поставить под вопрос эпистемологические основы дисциплины⁹.

Одной из центральных и наиболее дискутируемых проблем методологии экономической науки, которую кризис 2008 г. только усилил, является вопрос о причинах кризисного состояния т.н. "чистой теории". При этом ключевой проблемой является соответствие "чистой теории" экономической науки экономической реальности: что описывает "чистая теория", насколько адекватно и полно отражает процессы реального мира, соответствует (пригодна) для экономической практики.¹⁰ В чем причина оторванности "чистой теории" от реальных проблем экономической политики, в чем ее польза и каково ее истинное значение, в том числе для практики.

Следует заметить, что наиболее остро проблема "онтологии" (в форме соответствия между теорией и описываемой ею реальностью) стоит именно в тех науках, где господствуют формальные методы репрезентации знания.

Решение проблемы онтологии в экономической теории в методологии науки осуществляется двумя способами: 1) выявление (реконструкция) и анализ базовых онтологических предпосылок теории и критика их нереалистичности; 2) развитие интерпретативного контекста, который позволяет привязать модель к реальности и поставить вопрос о ее применимости.

Изучение онтологических предпосылок тех или иных научных традиций, попытка выделения базовых картин экономической реальности, описание онтологий конкретных теорий дало позитивные результаты в сфере содержательного прояснения онтологических проблем экономической науки, реконструкции и оценки конкретных экономических онтологий. При всей локальности данных исследований они способствуют предметной разработке проблем экономической онтологии, и позволяют увидеть, что экономических онтологий много и каждая теория содержит свою онтологию, что они исторически обусловлены, что некоторые онтологические построения сильно зависят от естественнонаучной парадигмы или некритически заимствованы из естественных наук, что в основе некоторых теоретических построений лежат определенные

⁶ См. напр.: *Стиглиц Дж.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. – М. Эксмо, 2011; *Krugman P.* How Did Economists Get It So Wrong? // *New York Times Magazine*, September 2, 2009.

⁷ См. напр.: *Lawson T.* *Economics and Reality*. - L.: Routledge, 1997.

⁸ *Cameron J., Siegmann K.A.* Why did mainstream economics miss the crisis? The role of epistemological and methodological blinkers // *On the Horizon*, Vol. 20 Iss: 3 - 2012, pp.164 – 171.

⁹ *Jo T.-H., Chester L., King M.C.* Beyond market-fundamentalist economics: an agenda for heterodox economics to change the dominant narrative // *On the Horizon*, Vol. 20 Iss: 3 - 2012, (pp. 155 - 163).

¹⁰ См. напр.: *Blaug M.* Ugly Currents in Modern Economics // *Options Politiques*. 1997 - № 18 (17), pp.3-8. 21; *Mäki U.* (ed.) *Fact and Fiction in Economics. Realism, Models, and Social Construction*. - Cambridge: Cambridge University Press, 2002; *Lawson T.* *Economics and Reality*. - L.: Routledge, 1997; *Ward B.* *What's Wrong With Economics?* - L.: Macmillan, 1972.

мировоззренческие установки.¹¹ В сухом же остатке такой анализ позволяет зафиксировать нереалистичность предпосылок, но не дает ответа по поводу практики (что делать с моделями, основанными на нереалистических предпосылках, можно и нужно ли их корректировать и т.п.

Второй способ решения проблемы онтологии в экономической теории вращается вокруг вопроса о несоответствии между формальными моделями и реальностью. Здесь ключевым видится вопрос об интерпретации. Приведем в пример Дж. Ходжсона. Он верно отмечает, что выяснение интерпретативного контекста модели играет чрезвычайно важную роль в анализе проблем формализма и соответствия моделей реальности в экономической теории. Однако, по его мнению, проблема экономических моделей не в доминировании формальной техники, а в неадекватности и недоразвитости интерпретативного контекста, в который они помещены¹². Представляется, что развитие интерпретативного контекста вряд ли решит проблему соответствия моделей реальности.

Во-первых, в его создании и развитии обычно не заинтересованы сами "модельеры" в силу расстановки ценностных и институциональных приоритетов в их деятельности. Кроме того, экономическое образование, нацеленное на преимущественное овладение прикладными математическими техниками, игнорирует содержательное изучение экономики (прежде всего, фундаментальное изучение истории экономики) и не способствует развитию этих навыков.

Во-вторых, эта проблема отнюдь отнюдь не эпистемологическая, но также и онтологическая. Следует осознавать, что при создании интерпретации мы будем создавать и новую онтологию, т.е. в итоге мы будем иметь две различных онтологии - онтологию интерпретации и онтологию модели (которая даже будучи очень формальной все равно опирается на некоторые экономические интуиции, категории). Более того, эти две онтологии могут иметь полное или частичное несоответствие. Потому что из чего будет исходить интерпретация? Очевидно, что не из исходных содержательных интуиций той или иной модели, а из тех задач, которые поставит в отношении той или иной модели ее интерпретатор – а им может быть не только ее создатель, но даже ученый из другой науки.

В-третьих, в отношении ультраформализованных моделей интерпретация, скорее всего, сможет лишь поставить их в широкий контекст тех теорий и их предпосылок, в развитие которых они были созданы. В целом же, если решать проблему отношения теории с реальностью лишь за счет интерпретации, это значит замыкать ее на анализ отношений модели с теоретической (текстовой) реальностью. Когда модели в высокой степени абстрактны, для их интерпретации с неизбежностью используются чужие семантические структуры. Например, мы, указывая, на что-то в модели, говорим: это - "рынок", это – "доверие". Но при этом никто не проверяет, является ли "это" рынком и т.д.

Кроме того, следует отметить, что интерпретативный подход имеет неявную склонность к инструментализму в решении вопроса о том, соответствует ли теория реальности: если модель интерпретируется на реальность, значит она применима. Приведем пример. Р. Сагдэн, исследуя вопрос о реалистичности моделей в экономической теории, вводит понятие "правдоподобные миры", - эвристичные модели, выделяющие значимые закономерности реального мира, - и считает таковые пригодными для "конструирования индуктивных умозаключений от модели к реальному миру"¹³.

Вопрос о соответствии "чистой теории" экономической науки экономической реальности и о ее применимости следует ставить иначе. Теория или модель должна не

¹¹ См.: A Modern Guide to Economic Thought: Introduction to Comparative Schools of Thought in Economics / Ed. D.Mair, A.Miller. Edward Elgar Publishing, 1992.

¹² Ходжсон Дж. О проблеме формализма в экономической теории // Вопросы экономики. 2006 -№3, с.119-120.

¹³ Sugden R. Credible Worlds: The Status of Theoretical Models in Economics // Journal of Economic Methodology. 2000 - Vol. 7, № 1. P. 28.

интерпретироваться на реальность, а конкретизироваться на реальность, т.е. на множество конкретных событий. Как раз значимым таким событием является финансовый кризис 2008 г., переросший в системный кризис сложившейся экономики.

Для целей этой работы большой интерес представляет заочная дискуссия, развернувшаяся в 2009 г. между П. Кругманом и чикагцами на страницах американской прессы¹⁴, а также серия интервью крупнейших представителей чикагской школы The New Yorker в самом начале 2010 г.¹⁵ Из этих материалов становится очевидным тот факт, что финансово-экономический кризис 2008 г. привел к уже необратимому расколу в среде экономистов.

Особый интерес этой дискуссии в том, что здесь экономисты ставятся в ситуацию, когда они по факту вынуждены конкретизировать свою теорию (содержащимся в ней представлением об экономике) на реальность, поскольку им приходится обсуждать базисные положения теории не по поводу "экономики вообще", а в связи с конкретным событием - экономическим кризисом 2008 г. и его последствиями. Поскольку они вынуждены рассуждать о реальном событии, а не оперировать удобным эмпирическим (статистическим) материалом, мы можем наблюдать, насколько теория помогает им понять, что произошло, насколько полно она описывает реальность, как производится привязка основных положений теории к реальности.

Анализируя онтологию теории, ее соотношение с реальностью, представляется неверным замыкаться в вопросе правильна модель или нет. Любая модель и даже теория описывает лишь небольшой слой (фрагмент) реальности. Действительность всегда богаче любой самой исчерпывающей теории, однако в таком виде она не включается, не описывается ни одной теорией. Задавая вопросы чикагцам по поводу кризиса, того насколько пострадал престиж чикагской школы из-за кризиса, по поводу гипотезы об эффективных рынках, гипотезы рациональных ожиданий, скептицизма относительно правительства в связи с кризисом, Дж. Кессиди (инициатор интервью) по сути постоянно провоцировал своих собеседников выходить в своих рассуждениях за пределы теории и созданной ее картины мира (описываемого фрагмента реальности) к осмыслению более богатой (сложной) действительности. И вот здесь привычные "прилизанные" схемы рассуждения начинают деформироваться или даже ломаться. Потому что действительность развивается не так как описано в теории, она просто не знает, что существует какая-то там теория.

Когда исследователь находится в рамках определенной онтологии, ее категориальные структуры заставляют его рассуждать определенным образом (так и не иначе). Таким образом, онтология создает определенный способ рассуждения, за пределы которого мы не можем выйти. Например, у чикагцев это утверждение (онтологизированная идеологема) о том, что "правительство не эффективно" (потому что несправедливо), а рынок напротив всегда эффективен (потому что справедлив). По сути, данное утверждение не имеет отношения ни к конкретному реальному правительству (например, администрации Б. Обамы), ни к конкретному рынку (к примеру, ипотечных вкладных), а лишь к "рынку вообще" и "правительству вообще", которые введены в данной теории. Такие категориальные структуры к тому же являются ценностными (а ценность – это желание должного, так должно быть), а поэтому и нормативными. Ценностные

¹⁴ Зачинщиком дискуссии выступил в New York Times Magazine П. Кругман, который обозначил в качестве ключевых виновников провала экономической теории экономистов так называемой чикагской школы, окрестив ее "продуктом темных веков макроэкономики". См.: Krugman P. How Did Economists Get It So Wrong? http://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html?_r=0 и Cochrane J.H. How did Paul Krugman get it so Wrong? <http://faculty.chicagobooth.edu/john.cochrane/research/Papers/#news>.

¹⁵ New Yorker опубликовал интервью с восемью ключевыми на сегодня фигурами современной "чикагской школы", среди них Ю.Фама, Р.Талер, К.Мерфи, Г.Беккер. Подробнее см.: <http://www.newyorker.com/online/blogs/johncassidy/chicago-interviews/>

конструкции, как правило, образуют ядро онтологии, которой придерживается исследователь, так как они обеспечивают воспроизводство его собственной позиции.

Зададимся вопросом, а чем в реальном мире обуславливается экономическая политика. Разумеется, не экономическими теориями (они носят вторичный обслуживающий характер), а интересами политика, задачами его воспроизводства себя как политика (им необходимо переизбираться), которые требуют учета интереса определенных групп (по возможности наибольшего их числа). Именно исходя из этого политики совершают некоторые действия, которые характеризуются как их экономическая политика и даже могут объясняться исходя из определенной теории (скажем для ее легитимации в глазах определенных групп). При этом теория также может отнестись к определенным действиям политика (к его экономической политике). Этим отношением как раз и образуется зазор между тем, какова политика в реальности и как она представляется в теории (а также какова она должна быть согласно теории).

Поэтому если, отвечая на вопрос об эффективности правительства, мы все-таки захотим оценить эффективность действий конкретного субъекта, скажем администрации Б. Обамы или ФРС во время кризиса, нам придется выйти за рамки имеющейся онтологии и задаваемых ей ходов рассуждения. Поскольку нам не хватает своих теоретических конструкций, чтобы, скажем, описать или оценить действия ФРС по поддержке банков, мы будем вынуждены неявно вводить новые, чуждые для нашей теории онтологические структуры. Следует подчеркнуть, что это не развитие имеющейся онтологии, мы просто переходим (перескакиваем) в другую онтологию или совершаем сдвиг, "подмену" (вынужденная переинтерпретация ключевых предпосылок теории путем введения новых онтологических конструкций, ведущая к замене исходной онтологии). Иными словами мы будем иметь дело с "онтологическими разрывами" – с переходами (перескоками) из одной онтологии в другую (при этом мы либо имеющиеся конструкты объясняем исходя из новой онтологии, либо вводим новые конструкты и под них новую онтологию). Например, в нашей онтологии нет политических субъектов и их интересов, поэтому отвечая на вопрос о действиях конкретных субъектов, мы перескакиваем в другую онтологию, куда такой субъект включен (ниже мы увидим это на конкретных примерах). Следует подчеркнуть, что подобные переходы из одной онтологии в другую совершаются вне логики, а в семантике (в разговоре). В рамках логики такой переход невозможен, иначе нарушается принцип непротиворечивости.

Если "онтологические зазоры" слишком велики ("перескоки"), т.е. фрагменты, описываемых данными онтологическими структурами слишком отстоят друг от друга, то опосредующих переходов не видно. Во время таких перескоков рассуждающий пропускает целый фрагмент реальности (как несуществующий для него). Образуются как бы "слепые пятна". Поясним. В теории мейнстрима нет перехода между "моделями роста" и "моделями падения" (скажем, внешние шоки). При этом находясь в рамках одной модели нельзя сделать переход к другой, поскольку они построены логически, а логика запрещает противоречия, поэтому в модели роста падения быть не может (могут быть колебания). Поэтому мы можем лишь перескакивать от одной модели к другой (связующее звено "кризис" у нас "слепое пятно"), либо оставаться в одной из моделей, считая кризис колебаниями. "Слепое пятно" – это также то, что не существует в онтологии конкретной теории (иначе это ее разрушит), ибо всякая онтология обязательно предполагает наличие в ней как существующих, так и не существующих типов объектов. К примеру, моя онтология предполагает некоторые стандартизованные схемы объяснения (скажем, "роста нет, потому что тормозится частный спрос"), мне указывают на какой-то феномен в реальности (скажем, кризис или пузырь), не включенный в мою теорию ("слепое пятно"), - поскольку у меня нет объяснительных схем, в ответ я пытаюсь прибегнуть к метафорическим описаниям (поэтому "слепые пятна" в речи хорошо фиксируются по метафорам). Если же мне не указывают эти феномены, я их и не вижу.

Всякая теория по идее должна описывать действительность максимально полно, упорядоченно, строго, доказательно. Если это ей удастся – это гранд-теория. Однако большинство теорий имеют дело лишь с фрагментом реальности и это в особенности, касается современной экономической теории (по факту набора моделей), характеризующейся высокой фрагментированностью и ее нарастанием. Таким образом, проблема контакта экономической теории с реальностью осложняется не только засильем формализма, но и высокой степенью фрагментированности. Эти вещи взаимосвязаны. В силу исторического развития дисциплины синтез экономической и формальной (созданной средствами прикладной математики) онтологий привел к фрагментации онтологии экономической теории, в результате чего целостность теории создается математическим аппаратом. Поэтому "онтологические зазоры", образующиеся как в виду фрагментированности, так и в виду формализма (нереалистичности предпосылок) моделей являются характерной чертой онтологии экономической теории.

Обратимся теперь к анализу интервью чикагцев с целью фиксации имеющихся у них "ценностных конструкций", "онтологических зазоров" и "слепых пятен", выявляющихся в ходе конкретизации теории относительно практики (точнее конкретных событий в реальности, каковым был кризис 2008 г.).

Несмотря на то, что ортодоксальные воззрения чикагской школы находились под градусом критики и раньше, финансовый кризис 2008 г. бросил вызов, прежде всего именно чикагской школе, поскольку фундаментальной предпосылкой ее теории и одновременно идеологемой является тезис об эффективности рынков, или о "саморегулирующемся рынке". Несмотря на это в ряде интервью мы видим упорное нежелание (по человечески весьма понятное) ряда ортодоксальных представителей чикагской школы признавать на фоне кризиса факт неэффективности рынков. Так Ю. Фама по-прежнему убежден, что рынок достаточно эффективен на общем уровне, а если нет, то "обнаружить это невозможно"¹⁶. Схожего мнения придерживается и Г. Беккер, хотя и оговаривается, что не всегда "свободные рынки делают это хорошо" (потому что они далеки от совершенства). Однако они могут быть лишь "не очень эффективными", но все же принципиально эффективны в сравнении с правительством. В целом же, по его мнению, "рынки работают достаточно хорошо, но появились вещи, которые нельзя объяснить просто при помощи гипотезы об эффективности рынка". Здесь защита ценностного суждения уже обнаруживает "онтологический разрыв" (поскольку признает, что рынки не всегда хороши и есть феномены, которые не объяснить этой гипотезой - это указание на реальность).

Кризис не поколебал уверенности большинства представителей чикагской школы в том, что государство (правительство, регуляторные органы), которые они часто напрямую квалифицируют как "правила, определяемые группой живущих в Вашингтоне людей", не эффективно. Приведем пример из интервью Г. Беккера:

"Я всегда считал сутью чикагской экономической доктрины то, что свободные рынки хорошо выполняют свою работу. И студентов учил этому же. Свободные рынки далеки от совершенства, но правительства от него еще дальше. В некоторых случаях регулирование необходимо – я, опять-таки, не анархист. Но в целом правительства функционируют хуже рынков. Я не увидел ни одной причины пересмотреть эту позицию.

Да, мы увидели еще один пример того, как свободные рынки не выполнили своих функций. Они сработали плохо. Но я не вижу подтверждений и тому, что правительство все делало правильно в преддверии или во время кризисных процессов"¹⁷.

¹⁶ Interview with Eugene Fama posted by John Cassidy
<http://www.newyorker.com/online/blogs/johncassidy/2010/01/interview-with-eugene-fama.html>

¹⁷ Interview with Gary Becker posted by John Cassidy
<http://www.newyorker.com/online/blogs/johncassidy/2010/01/interview-with-gary-becker.html>

Реальные события заставляют Г. Беккера признать, что рынок не совершенен и может сработать плохо, но это никоим образом не меняет его уверенности, что правительство все делает хуже (правительство вообще, он при этом не пытается указать на конкретные проколы конкретного правительства).

Оба основания, за которые продолжают держаться чикагцы, по факту онтологизированные идеологемы, что косвенно сознают сами ее адепты. Так отвечая на вопрос "чикагская картина мира до сих пор существует, та чикагская традиция, которая ратует за свободный рынок?" Дж. Кохрейн говорит следующее:

"Многие из нас, как минимум, считают идею свободных рынков хорошей отправной точкой, поскольку она опирается на опыт многих столетий и мысли [многих поколений людей]. Вся наука в определенной степени консервативна. Обнаружив одну причудливую бабочку, вы же не скажете, что Дарвин все-таки был неправ. У нас есть проверенный веками опыт, который показывает, что рынки работают довольно хорошо, а вмешательство государства приводит к катастрофическим последствиям".

В целом из большинства интервью следует, что кризис не поколебал уверенности большинства представителей чикагской школы в том, что государство не эффективно. На этом фоне весьма примечателен очевидный зазор в отношении к нормативным предписаниям своей теории и к реальной политике. Приведем пример из интервью Г. Беккера, а именно его ответ на вопрос о том, что чикагская школа не согласна с тем, что существуют банки, которые слишком велики, чтобы разориться ("пусть разоряются").

"Тут возникает два вопроса. Что нам следует делать, и что мы будем делать на самом деле. Мы ведь вряд ли допустим, чтобы они разорились. Мы никогда не допускали, чтобы они разорялись. Второй вопрос: а стоит ли нам их спасти? Думаю, в этот кризис мы были вынуждены это сделать. Я не согласен, что во время нынешнего кризиса надо было просто позволить всем разориться. Да, экономика восстановилась бы. Но мне кажется, что тогда рецессия стала бы более серьезной" (курсивы мои – О.К.)¹⁸.

Это рассуждение опирается на разные онтологические конструкции, исходящие из основных предпосылок теории (государство неэффективно, имеется в виду "государство вообще") и из чувства реальности (я не согласен, что надо было позволить разориться). Экономика бы восстановилась (так гласит теория), но рецессия стала бы хуже (так подсказывает чувство реальности). Фактически здесь Г. Беккер неявно признает, что теория не просто не имеет отношения к реальности, но и не может ничем помочь. Чтобы это преодолеть водятся новые субъекты (мы – т.е. политики, иные ответственные лица) которых в теории нет. Для этого ему приходится совмещать в своем рассуждении нормативную "картину мира" и реальность.

Другой пример - переинтерпретация ключевых положений школы на основе введения новых онтологических конструкций. Вот как отвечает Дж. Кохрейн на вопрос, что он думает о гипотезе рациональных ожиданий (экономические агенты обладают всей полнотой информации) в связи с кризисом:

"Что такое рациональные ожидания? Вот есть утверждение, что всех людей все время водят за нос. В 1960-х люди говорили, что правительство может увеличить инфляцию, и это приведет к небольшому росту выпуска, потому что людей удастся одурачить. Люди подумают, что из-за инфляции им теперь больше платят за труд, и, поверив в этот обман, станут работать усерднее. Ребята, придумавшие теорию рациональных ожиданий, говорили, что это может случиться раз или два, но рано или поздно люди поймут, что к чему. Принцип "нельзя обманывать всех и всегда" кажется мне весьма неплохим"¹⁹.

¹⁸ Interview with Gary Becker posted by John Cassidy.

¹⁹ Interview with John Cochrane posted by John Cassidy

<http://www.newyorker.com/online/blogs/johncassidy/2010/01/interview-with-john-cochrane.html>

Видимо, помимо скрытой аллюзии на известное высказывание А. Линкольна, Дж. Кохрейн также намекает здесь на ипотеку и то, что она была построена на обмане²⁰. Из чего он при этом исходит по сути. "Люди рационально себя ведут" означает, что они подчиняются экономическим закономерностям. Однако в мейнстриме закономерности возникают в результате рационального поведения людей (ни одного, не группы, а всех – иначе, не возникает закономерность). То есть она порождается массовым поведением всех экономических агентов. То же видно и из интервью Г. Беккера, где он отвечает на вопрос, насколько ныне актуален принцип рациональности в экономике:

"Думаю, по большей части актуален. Все зависит от того, что вы имеете в виду под рациональностью. Если вы придерживаетесь мнения, что потребители в целом реагируют на стимулы предсказуемым образом, то у вас будет неверное представление о мире, если только не уделить этому вопросу достаточного внимания... Другое направление – изучение многочисленных ошибок потребителей. Я думаю, никто не спорит, что потребители совершают ошибки. Но это совсем не отменяет представления, что, во-первых, потребители почти всегда выбирают именно то, что им нужно. И, во-вторых, – теперь мы возвращаемся к правительству – обычно потребители принимают более удачные решения, чем те, что сделало бы за них правительство"²¹.

Г. Беккер здесь вводит две онтологические конструкции. Сначала теоретическую – потребители рациональны, ибо их поведение и порождает ту реальность, в которой рынки эффективны (закономерность порождается массовым рациональным поведением потребителей) и затем перескакивает в другую – эмпирическую - онтологическую конструкцию, по видимому, опирающуюся, на исследования поведения конкретных экономических агентов на конкретном рынке, которое показывает, что они совершают ошибки. Далее он делает возврат к теоретической конструкции (вывод). Итак получается, согласно теории, агенты всегда принимают оптимальное наилучшее решение, но в реальности они совершают ошибки, итого получаем "потребитель почти всегда выбирает то, что нужно". В онтологии теории не заложено "почти" – или они ведут себя рационально или они ошибаются. Но в данном случае "почти" означает "большая часть" ведет себя рационально, потому что тогда образуется экономическая закономерность.

Вопрос к Ю. Фаме по поводу того, что "правительство должно было позволить банком рухнуть", - как вы думаете, почему правительство не отошло в сторону и не дало этому случиться? Действительно ли власти, как считают многие, были на крючке у Уолл-стрит?

"По сути, дело в том, что у многих в нынешнем правительстве есть огромное желание избежать рисков. Власти не хотят, чтобы их винули в плачевном исходе событий, и, чтобы избежать его, готовы сами поступать неправильно. Я думаю, Бернанке удалось выступить лучше других" и далее по поводу скептического отношения чикагской школы к правительству: "людям потребовалось немало времени, чтобы осознать, что политические лидеры – это всего лишь действующие в своих интересах индивиды, и что вмешательство государства в экономическую деятельность особенно опасно потому, что правительство по любому не может проиграть"²².

Опять рассуждения строятся путем перехода, из двух разных онтологических конструкций: из чувства реальности (не хотят, чтоб винули) и из теории (готовы поступать неправильно – "неправильно" относительно того, что гласит теория). При этом Ю. Фама четко понимает (чувство реальности и явная отсылка к конкретным

²⁰ Впрочем, экономист и сам чувствует некоторые "натяжки" в своем аргументе и, в конечном счете, соглашается, что все-таки "сама по себе гипотеза рациональных ожиданий – технический инструмент". Там же.

²¹ Interview with Gary Becker posted by John Cassidy.

²² Interview with Eugene Fama posted by John Cassidy.

правительствам и индивидам, в частности, Б. Обаме), что у политиков есть интересы, но поскольку для него приоритетное (ценностное) значение имеет теория, то он конкретные политические интересы абстрагирует до "вмешательство государства неэффективно" (обратный конкретизации процесс). Хотя, чтобы сделать такой переход необходимо бы в каждом конкретном случае доказать, что политики действуя в своих интересах наносят экономике вред.

На ту же тему суждение Дж. Кохрейна также обнаруживает "онтологический разрыв". Отвечая на вопрос "полагаете ли вы, что мы видели [кризис], – это результат несостоятельности правительства, а не провал рынка?", признает, что рынок все таки тоже был виноват, что означат переход в другую онтологию, которая базируется на чувстве реальности:

"Я думаю, это было сочетание факторов – несостоятельность и того, и другого. Правительство установило ряд нормативных требований. Банки очень быстро начали их обходить. Многие люди обращали недостаточно внимания на риск контрагента, поскольку считали, что об этом позаботится правительство"²³.

Еще один пример из интервью Дж. Кохрейна по поводу того, что "сейчас безработица составляет 10% и это не согласуется с моделью рыночного равновесия":

"Безработица – это поиск работы... Сейчас без работы остаются 10% населения. Многие из них могли бы уже завтра устроиться в Wal-Mart, но такая работа им не подходит. И я согласен: действительно не подходит. Это не значит, что мир станет лучше, если они все же пойдут на работу в Wal-Mart. Какая-то часть безработных – это люди, ищущие себе более подходящее занятие после перемен, которые происходят неизбежно".

Здесь Дж. Кохрейн опять рассуждает из двух онтологических конструкций, - четко понимая (чувство реальности), что безработица носит структурный характер, и имеющаяся работа им "действительно не подходит" (указание на реальность), тем не менее возвращается к постулату теории "безработица – поиск работы", опосредуя это конструктом из теоретической реальности ("могли бы"). Однако в реальности не могут.

Как и в случае Ю. Фамы теоретическая реальность имеет для Дж. Кохрейна больший приоритет и конкретизация теории относительно кризиса приводит его к выводу: "из-за финансового кризиса в реальной экономике произошло много такого, чего не должно было бы происходить. Предприятия закрывались, люди теряли работу. Этого не должно было случиться. В известной степени, то же самое происходило в 1907, 1921, 1849 гг. Вы могли бы сказать, что мы сталкивались со всем этим раньше". Получается, что мы сталкивались с этим и раньше, но теория так и не удосужилась создать инструменты анализа и предвидения таких явлений, потому что имеющиеся онтологические конструкции подсказывают нам, что так не должно быть. Это как раз случай "слепого пятна" в теории.

Очевидно, что главной причиной, сделавшей экономическую теорию мейнстрима нечувствительной к кризисам и неспособной их предсказывать, является тот факт, что в ней начисто отсутствует сама идея возможности системного кризиса. Следует заметить, что даже имеющиеся в арсенале экономической науки теории делового цикла не рассматривают кризис, имеющийся в них "спад", "понижение" видятся результатом колебаний или отклонений от равновесного состояния, т.е. считаются временным снижением деловой активности, обусловленным теми или иными причинами (в зависимости от школы, но почти всегда внешними). Такое видение вполне закономерно, поскольку в нем отсутствует представление о развитии – любые изменения это отклонения, колебания, несовершенства – при этом система остается неизменной (стремится к стабильности, гомеостазу). Бескризисное состояние естественно и в

²³ Interview with John Cochrane posted by John Cassidy.

некотором смысле вечно). Утверждения, что колебания вызваны чем-то внешним, выступают как "защитный слой" (в терминологии И. Лакатоша).

Во-вторых, одна из центральных категорий экономической теории – "равновесие" априори предполагает построение онтологии, в рамках которой категориальные конструкции, которая делают неизбежным "кризис" или предполагают "развитие" запрещены (не могут существовать). Установка на поиск равновесия (репрезентируемая решением уравнения), т.е. стабильного, сбалансированного, идеального состояния системы означает, что любая нестабильность, "напряжение" и дисбаланс попадают в "слепое пятно". Равновесие и отклонения от него подобны маятнику и его колебаниям. Понятия "кризиса" и "развития" в такой онтологической конструкции чужды, они будут выталкиваться или переинтерпретироваться.

Обсуждая причины кризиса, Ю. Фама настаивает на том, что рецессия началась еще до того, как в августе 2007 г. оказался парализован рынок второсортных облигаций. Тогда Дж. Кессиди задает ему вопрос: "что же привело к рецессии, если не финансовый кризис?" и получает ответ, что в теории нет такого явления как кризис, поэтому его нечем объяснить:

"Вот тут экономическая теория всегда заходила в тупик. Мы не знаем, какова причина рецессий. Я не макроэкономист, так что меня это не особенно смущает. Мы никогда этого не знали. Споры о том, что спровоцировало Великую депрессию, продолжаются по сей день"²⁴.

Однако Дж. Кессиди не отстает и вопрошает Ю. Фаму о том, "что же нам делать?" – "Если завтра вам позвонит президент и скажет, мне кажется, наши методы не работают. Что нам делать? Что вы ему ответите". В ответ Ю. Фама фактически признает, что имеющаяся теория ничего предложить не может. Очевидно, потому что фрагментирована, не имеет системного видения экономики, не предусматривает кризис, и поэтому не может породить убедительную теорию, а только множество разных гипотез, исходя из тех или иных внешних случайных причин.

"Когда финансовый кризис только начался, я вступил в эти дискуссии. А потом остановился и сказал себе - меня не устраивают мои собственные представления о том, как лучше всего действовать дальше. Лучше я посижу и послушаю других.

И я выслушал всех экспертов – и местных, и остальных. Какое-то время спустя я пришел к выводу, что не знаю, как лучше поступать в нынешней ситуации, и не думаю, что они это знают. Не думаю, что существует хороший рецепт. Так что я забросил все это и вернулся к собственным исследованиям".

Еще более жесткой позиции придерживается Р. Лукас, который при этом периодически консультирует правительство "у экономики не получается объяснить депрессии, и поскольку он никогда не занимался экономикой депрессий, поэтому он ничего не будет менять в том, что делает, и не видит в этом ничего плохого". Это пример из интервью Р. Познера в ответ на вопрос, что извлекла для себя экономическая наука из того, что произошло²⁵.

Итак депрессии не получается объяснять потому, что они в имеющейся теории просто не существуют. При этом, совершенно естественно, что Р. Лукас ничего не будет менять, потому что это означает менять все, что воспроизводит его как ученого, к тому же для каждого ученого, теория которой он придерживается, не может быть неистинной (ибо ее истинность теории – одно из онтологических оснований).

В итоге нельзя не согласиться с Р. Познером, который размышляя над вопросом, что извлекла для себя экономическая наука из того, что произошло, заключает, что "есть

²⁴ Interview with Eugene Fama posted by John Cassidy.

²⁵ Interview with Richard Posner posted by John Cassidy

<http://www.newyorker.com/online/blogs/johncassidy/2010/01/interview-with-richard-posner.html>

вероятность, что экономисты ничему не научились"... "У профессоров есть пожизненные контракты. Они готовят многочисленных аспирантов, которым нужны PhD. У них есть техники, которыми они давно и хорошо владеют. Заставить их перестроить свои привычные методы – великое дело"²⁶. Сходной позиции придерживается Дж. Ходжсон²⁷.

Теория будет развиваться привычным путем, что подтверждает Г. Беккер:

"Я думаю, что мы улучшим макромоделли: некоторые из них были слишком упрощенными. В них были отражены существенные части экономики, но, я думаю, всем ясно, что фактически они не подготовили нас к борьбе с кризисом, особенно с финансовыми кризисами". Дж. Кессиди возражает: "эти модели были созданы не для борьбы с кризисами. Они и их создатели делали допущение, что кризисов не бывает, разве нет?" - "Да, некоторые из них. Некоторые действительно исключали финансовый сектор, считая деньги маловажным фактором. Я думаю, что вся эта тема просто оказалась ошибкой".

Однако разработка огромных и сложных всеобъемлющих моделей, в которые потихоньку вставляются "несовершенства рынка" не меняет сути дела. Как верно отмечает О. Бланшар – "несовершенства" включаются в заведомо неверные модели, т.е. в такие построения, где множество неверных, но при этом принципиальных предположений делается исключительно из соображений математического удобства.

Выявленные проблемы нечувствительности, "безразличия" экономической теории к реальности (практике) обусловлены прежде всего дисциплинарными причинами. К таковым относятся технический (инструментальный) характер знания, формируемое им мышление и фрагментированность корпуса знания. Эти особенности экономической теории можно рассматривать как ее эпистемологические или онтологические проблемы, Однако необходимо обратить внимание именно на их дисциплинарный характер, поскольку они устойчиво воспроизводятся в экономическом знании именно за счет сложившейся дисциплинарной и институциональной структуры.

Как отмечает М. Фукард²⁸ в результате специфики становления, формирования и развития дисциплины в ее современном виде экономическая теория видится и понимается работающими в этой сфере специалистами как набор исследовательских инструментов и методов по производству знания о социальном мире. Характерна в этом отношении позиция, заявленная А. Маршаллом в своей инаугурационной лекции 1885 г., согласно которой "экономическая теория – это не совокупность конкретных истин, а мотор, предназначенный для того, чтобы открывать такие истины", ее роль подобна роли машинного оборудования на фабричном производстве²⁹.

Таким образом, отмечает М. Фукард, экономическая теория как дисциплина, по сути, специально не связана (как это парадоксально не звучит) с изучением экономической реальности. Близкий к чикагской школе юрист Р. Познер отмечает, что кризис и спровоцированные им дискуссии в академической среде обнажили тот простой факт, что большая доля экономистов, занятые абстрактным формальным моделированием, "реально не представляет себе как функционирует современная банковская система, как работают новые финансовые механизмы – обеспеченные долговые обязательства, СВОПы "кредит-дефолт" и т. п."³⁰.

²⁶ Там же.

²⁷ Hodgson G.M. The great crash of 2008 and the reform of economics // Cambridge Journal of Economics 2009 - 33, pp.1205–1221.

²⁸ Fourcade M. Economists and Societies: Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s. - Princeton: Princeton University Press. 2009.

²⁹ Marshall A. The Present Position of Economics. BiblioLife, 2008. P.18 и 25.

³⁰ Interview with Richard Posner posted by John Cassidy.

2. Позитивный vs Нормативный анализ

Есть некоторые основания считать, что вместе с ослаблением предпосылки «рационального поведения» наблюдается методологический сдвиг в сторону нормативной экономики. Не вдаваясь в подробности позитивной и нормативной теорий, оставляя в стороне исторические аспекты эволюции каждой из них в отдельности, следует обратить внимание на методологию Ричарда Масгрейва, который, по-видимому, первым построил достаточно цельную теорию «мериторных благ», где нормативные установки общества дополняют и «исправляют» поведение индивидуумов, не всегда способных действовать себе во благо (Musgrave (1959, 1994), Масгрейв, Масгрейв (2009), Head (1966), Thaler, Shefrin (1981), Tietzel, Muller (1998, 2002), Гринберг, Рубинштейн (2000), Grinberg, Rubinstein (2010)).

За полувековую историю мериторики ей были посвящены многочисленные исследования, отмечающие слабые и сильные стороны данной концепции (Andel (1984), Priddat (1992), Schmidt (1998), Tietzel, Muller (1998, 2002)). Среди традиционных размышлений о мериторике, отметим попытки преодолеть ее патерналистскую природу посредством не совсем корректных замечаний, основанных на ошибочно узком представлении о мериторике как о концепции изучающей экстерналии и их экономические последствия. По мнению В.Тамбовцева, например, «в непатерналистской трактовке социально значимые (мериторные – *Авторы*) блага определяются как частные блага, потребление которых дает значительные внешние эффекты, невольные потребители которых не доплачивают производителям за достающиеся им даром природы их благосостояния» (Тамбовцев (2012, с.132))³¹.

Надо сказать, что, несмотря на укоренившуюся антипатерналистскую установку «потребительский суверенитет», в последнее время ряд экономистов выступает за так называемый мягкий или «либертарианский патернализм» со всеми его достоинствами и недостатками (Sunstein, Thaler (2003b, 2003b 2009)³², Camerer et al. (2003), Коландер (2009), D'Amico (2009)). Следует подчеркнуть также, что при всей кажущейся новизне этой методологии, ее можно рассматривать лишь в качестве «повторного открытия» мериторики, которое сделали поведенческие экономисты, продемонстрировавшие множество конкретных ситуаций, когда люди в определенных обстоятельствах принимают не лучшие для себя решения. Причем с точки зрения методологии «либертарианский патернализм» почти ничем не отличается от мериторного вмешательства в потребительские предпочтения.

По мнению Санстейна и Талера понятие «либертарианский патернализм» снимает противоречие между патернализмом и свободой выбора (Sunstein, Thaler (2003b, P.1188)). Близкая позиция – «ассиметричный патернализм» у Камерера и соавторов (Camerer et al (2003, P.1212)). Эти же авторы описали различные факторы, влияющие на индивидуальный выбор, не связанный с повышением благосостояния – «предубеждения статуса кво», «роль «якорей» и т.п., диктующий необходимость использования тех или

³¹ В этой же работе В. Тамбовцев допускает еще одну неточность, ошибочно полагая, что понятие «опекаемые блага» является переводом англоязычного термина «merit goods» (Тамбовцев (2012, с.132)). В связи с этим отошлём читателя к работе, где впервые было введено понятие «опекаемых благ» (Рубинштейн (2008)).

³² Заметим, что работы Талера – одного из авторитетных создателей концепции «либертарианского патернализма» (в соавторстве с Санстейном), строго говоря, лишь продолжают исследования 80-х годов (Thaler, Shefrin (1981)), в которых он выступает явным сторонником теории мериторных благ Масгрейва. В этом контексте кажется странным отсутствие в работах Санстейна и Талера в 2000–х годах ссылок на мериторику Масгрейва.

иных форм «подталкивания» индивидуумов к принятию верных решений. Иначе говоря, либертарианский и асимметричный патернализм в трактовке этих авторов предполагает замещение прямого ограничения выбора индивидуумов «опцией по умолчанию», то есть инструментарием косвенного воздействия на потребительские предпочтения. Именно в этом адепты «мягкого патернализма» видят достоинства и новизну развиваемой ими концепции³³.

С большим уважением относясь к авторам этих весьма интересных исследований, повторим все же, что в той или иной степени указанный инструментарий используется и в концепции мериторных благ. В модной «упаковке» поведенческой экономики Санштейн и Талер фактически повторили патерналистский тезис мериторики, на что обращает внимание и де Амико в своей работе «Мериторные блага, патернализм и ответственность» (De Amico (2009)). При этом нетрудно понять, что патернализм в любой форме, включая либертарианский, асимметричный патернализм и «политику мягкого подталкивания», основан на представлениях о том, «как должно быть». Поэтому вполне ожидаемой следует считать и соответствующую критику со стороны авторов, стоящих на платформе позитивного экономического анализа.

По мнению Р. Сагдена, например, либертарианский патернализм - это «концепция нормативной экономической теории. Она предусматривает плановика, несущего ответственность за сопоставление сведений об индивидуальных предпочтениях и благосостоянии, который затем, руководствуясь этими данными, будет способствовать росту всеобщего блага» (Sugden (2008, P. 229)). Комментируя полностью мериторный тезис Санштейна и Талера о патерналистской компенсации неполноценной информации, ограниченных умственных возможностей и достаточной воли индивидуумов (Sunstein, Thaler (2003b, P. 1162)), Сагден подчеркивает, что без нормативных суждений мы не сможем определить, что считается полноценной информацией, неограниченными умственными возможностями, или абсолютным самообладанием» (Sugden (2008, P.232)). В качестве промежуточного итогов доклада, сформулирую следующий вывод.

Концепции мериторики и либертарианского патернализма, порожденные скептическим отношением к способностям людей принимать верные решения в собственных интересах, обусловили ослабление «принципа рациональности» и усиление нормативной составляющей в экономическом анализе.

3. Рациональность vs Иррациональность

3.1. Основы рационального выбора .

Современная экономическая теория является частным случаем теории рационального выбора, поэтому сначала кратко охарактеризуем предпосылки, особенности понимания рациональности, а также школы, которые существуют внутри нее.

В неоклассической теории рациональным является максимизация полезности индивида в пределах ресурсов, имеющихся в их распоряжении, знаний, которыми они располагают, и ожиданий в отношении действий других партнеров. Предполагается, что рациональные индивиды не только способны соотнести предельные выгоды и предельные издержки своих действий, но и понимают последствия своей деятельности. В то же время

³³ Примером «мягкого патернализма» может служить также методология Джона Нэша (*Рубинштейн (2011)*). В соответствии с ней любые выявленные потери благосостояния (неэффективное равновесие) можно объяснить недостатками институциональной среды (*Майерсон (2010, с.29)*). Ее модернизация с целью создания условий, мотивирующих игроков к выбору доминирующей стратегии, которая привела бы к оптимальному распределению ресурсов, – это, по сути, и есть инструментарий «мягкого патернализма».

общепринятые нормы, традиции, обычаи играют в построениях неоклассиков весьма скромную роль. Между тем, потребность в снижении уровня неопределенности вынуждает экономических агентов опираться на традиции. Там, где преобладает неопределенность, неоклассические предпосылки теряют свою универсальную силу. Максимизация может стать бессмысленной и рациональный индивид вынужден ориентироваться не на нее, а на социально-приемлемые результаты. К тому же то, что было рациональным вчера, может оказаться нерациональным сегодня.

Хотя понятие рациональности весьма дискуссионно, в наиболее общем виде рациональность может быть определена следующим образом: "субъект (1) никогда не выберет альтернативу X, если в то же время (2) доступна альтернатива Y, которая, с его точки зрения (3), предпочтительнее X"³⁴. Цифрами выделены три важнейшие характеристики рациональности: *ее индивидуальный характер, ограниченность и субъективность*.

В теории рационального выбора цели индивидов рассматриваются как предопределенные и зависящие от самого индивида. Поэтому в предельном случае видов рациональности может быть больше, чем людей на свете (учитывая изменение их предпочтений во времени).

Теория рационального выбора развивает концепцию методологического индивидуализма, заложенную в трудах Т. Гоббса, Б. Мандевиля, А. Фергюссона, К. Менгера. Это означает, что структуры рассматриваются как совокупность преследующих свои цели индивидов.

3.2. Асимметрия информации и предсказуемая иррациональность

Аксиоматическое утверждение «мейнстрима» о том, что рынок аккумулирует в ценах всю необходимую агентам рынка информацию для принятия ими рациональных решений, максимизирующих индивидуальную полезность, давно уже подвергалось критике. Предлагалось учесть, во-первых, асимметричность информации у контрагентов, а во-вторых, их ограниченную рациональность.

Кризис дал основание выдвинуть на авансцену требование отказаться вообще от презумпции рациональности и заменить ее аксиомой о «предсказуемо иррациональном» поведении агентов рынка. С таких позиций выступают нобелевские лауреаты Дж. Стиглиц и Дж. Акерлоф (последний в соавторстве с Р. Шиллером)³⁵.

Дж. Акерлоф и Р. Шиллер, так же, как и Стиглиц, полагают, что «иррациональное начало» надо включить в качестве основы экономического поведения. Однако в отличие от Стиглица они не отказываются и от рационального начала. Согласно этим авторам, иррациональное начало объясняет циклические колебания в пределах примерно 25% ВВП, тогда как не менее 75% ВВП приходится на ту часть рынка, которая относится к области рациональных решений и где сохраняется рыночное равновесие – даже в условиях кризиса.

В понятие «иррациональное начало» Акерлоф и Шиллер включают те же психологические наклонности субъектов рынка, что и Стиглиц: доверие (в данном случае лучше сказать – доверчивость), справедливость, недобросовестность, денежный фетишизм, подражательство, стадное поведение. Они считают себя истинными последователями Кейнса (в отличие от тех, кто выхолостил Кейнса). «Кейнс признавал, что экономическая деятельность имеет по большей части рациональную мотивацию, – но

³⁴ Подробнее см.: Швери Р. Теория рационального выбора: универсальные средства или экономический империализм? – Вопросы экономики, 1997, №7, с. 37-46.

³⁵ *Стиглиц Д.* Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: «Эксмо», 2011.; *Акерлоф Дж. и Шиллер Р.* Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. М.: Альпина бизнес букс, 2010. Ссылки на страницы этих работ даются в тексте в скобках после цитат.

также и то, что значительная часть этой деятельности обусловлена так называемым «иррациональным началом», или иррациональным побудительным импульсом. Даже преследуя свои экономические интересы, люди не всегда рациональны. По мнению Кейнса, это самое иррациональное начало и является главной причиной как экономических колебаний, так и вынужденной безработицы.

Следовательно, чтобы понять экономику, надо выяснить, как ею движет иррациональное начало. Подобно тому, как «невидимая рука» Адама Смита является ключевым понятием классической экономической теории, иррациональное начало Кейнса – это основа иного взгляда на экономику, объясняющего неустойчивость, свойственную капитализму» (с. 17).

Рациональность и иррациональность – это сфера психики субъектов рынка, а рынок в целом – это уже иное качество. Могут ли субъекты рынка действовать рационально, а в итоге рынок будет «перекошен»? И наоборот, каждый субъект иррационален, а рынок – в равновесии? Акерлоф и Шиллер не ставят этих вопросов. У них получается, что критерием рациональности действий субъекта является равновесие всего рынка, о чем субъект знать не может. Однако их упреки в адрес экономической науки справедливы. «Многие профессионалы в области макроэкономики и финансов так далеко зашли в направлении «рациональных ожиданий и эффективных рынков», что вообще не принимают в расчет важнейшие процессы, лежащие в основе экономических кризисов. Если экономические модели не будут включать в себя иррациональное начало, то мы рискуем вообще не распознать реальный источник всех неприятностей» (с. 201).

Акерлоф и Шиллер иллюстрируют свою критику мейнстрима, предлагая представить себе следующую таблицу четырёх вариантов поведения субъектов рынка:

Таблица 1

Четыре варианта поведения субъектов

	Реакции	Рациональные	Иррациональные
Мотивы			
Экономические		Область теоретиков мейнстрима	?
Неэкономические		?	?

Они пишут: «Существующая экономическая модель заполняет лишь левую верхнюю клетку...» (с. 202). Авторы предлагают в существующую модель макроэкономики включить в число факторов, определяющих совокупный спрос, эйфорию и пессимизм (с. 206), а в число факторов, определяющих колебания занятости из-за неэластичности зарплат и цен, – стремление к справедливости (с. 207–208).

Таким образом, Акерлоф и Шиллер, как и Стиглиц, считают невозможным построить теоретическую модель капитализма, абстрагируясь от основных свойств человеческой психики. Но они идут ещё дальше, призывая учитывать национально-исторический полиморфизм капитализма, его социально-политическую детерминированность. «...У этого экономического строя есть множество форм, обладающих разными свойствами и достоинствами. Спор о том, какая из них больше подходит для нас, уходит корнями вглубь американской истории» (с.206).

Однако Акерлоф и Шиллер не ставят конкретного вопроса – почему критерий макроэкономического равновесия не присутствовал в экономической политике государства на протяжении четверти века до кризиса? Является ли это случайной ошибкой или проявлением психологии правящей элиты?

4. Общество vs Личность.

4.1. Социологическая дискуссия: активистско-деятельностный подход как синтетическая альтернатива. Для социологии, исследующей общество, недостаточность опоры на принцип методологического индивидуализма осознана фактически с момента ее становления как самостоятельной дисциплины. Один из ее основоположников Эмиль Дюркгейм в конце XIX в. написал о том, что общество есть реальность *sui generis* («как она есть»), т. е. существующая сама по себе, которая не выводится из свойств действующих в обществе субъектов (Дюркгейм, 1995), поэтому французского ученого считают сторонником предпосылки о «методологическом коллективизме», или «холизме». В свою очередь, его современник и теоретический оппонент Макс Вебер был наиболее известным приверженцем методологического индивидуализма. С тех пор дискуссия между представителями так называемого объективистского подхода с требованием «рассматривать общественные явления как феномен социальной целостности, не редуцируемый к индивидуальным действиям», и представителями субъективистского подхода «с установкой на их объяснение исключительно через действия индивидуумов» не прекращается, и она известна экономистам (Рубинштейн, 2012, с. 16). В дальнейшем один из участников проекта Ю.Г. Павленко специально представит взгляд экономиста на социологическую дискуссию вокруг принципа методологического индивидуализма. Мы позволим себе высказать здесь некоторые предварительные соображения по этому поводу.

В отечественной социологии, начавшей развиваться в СССР в основном в русле марксистской традиции, также представлены объективистский и субъективистский подходы. Обоснованием того и другого послужили не столько взгляды Дюркгейма и Вебера, не очень популярные в годы становления советской социологии, сколько положения Марксовой концепции исторического материализма, составлявшего ее методологическую основу.

С одной стороны, исторический материализм базируется на следующем знаменитом утверждении К. Маркса и Ф. Энгельса, повторенном ими вслед за Л. Фейербахом: «История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 102). Отсюда – исторические корни субъективистского подхода в марксистской и советской социологии. На наш взгляд, именно это направление доминировало и продолжает доминировать в отечественной социологии. Так, один из крупнейших современных авторитетов России в области социологической науки В.А. Ядов, призывая к тому, чтобы «сохранить и развить марксистский диалектико-исторический подход как социально-философскую ориентацию социологической теории» (Ядов, 1990, с. 188), выступает против принятия в качестве базисных таких понятий, как «социальная система», «социальная организация», «социальные институты». По его мнению, они «не схватывают главного. Главное – в структурах субъектных, а институты они используют своими орудиями, инструментами, средствами» (там же). Поэтому основной задачей социологии В.А. Ядов считает изучение социальных общностей, механизмов их становления, функционирования и развития.

С другой стороны, «теоретический основоположник советской социологии» Карл Маркс дал основания для развития объективистского подхода к изучению обществ. Он отмечал: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» (Маркс, 1955, с. 119). Основа человеческой истории определяется теми условиями, в которых люди находятся, общественной формой, существовавшей до них, созданной не этими людьми, а результатом деятельности прежних поколений (Маркс, Энгельс, 1968, с. 97). Эти высказывания концентрируют внимание исследователей на анализе макроструктур и институтов, т.е. задают взгляд на общество с позиций объективистского подхода. Здесь общество рассматривается как исторически развивающаяся совокупность отношений между людьми, складывающаяся на

основе постоянных изменений форм и условий жизнедеятельности в процессе взаимодействия с окружающей средой. Рисунок показывает особенности социологического взгляда с позиций субъективистского и объективистского подходов.

Изучая одну и ту же социальную реальность, социологи либо обращают преимущественное внимание на социальные группы (субъективистский подход), изучая их с позиций методологического индивидуализма, либо концентрируются на изучении «несущих общественных конструкций» – институтов (объективистский подход), и тогда они, как правило, стоят на альтернативных позициях.

Специфика двух названных подходов отчетливо проявляется в исследованиях советских, а ныне и российских социологов, работающих даже в одних предметных областях. В качестве характерного примера можно отметить разные подходы к определению предмета экономической социологии – отрасли социологического знания, которая начала складываться в России в 1990-е гг. Так, московский социолог Вад.В. Радаев в своем курсе лекций по экономической социологии определил в качестве предмета новой дисциплины изучение социологического, социально-экономического человека (Радаев, 1997, с. 158–159). В рамках же Новосибирской экономико-социологической школы к предмету экономической социологии относят экономические институты, неизменное институциональное ядро экономической системы (Бессонова, 1998, с. 11).

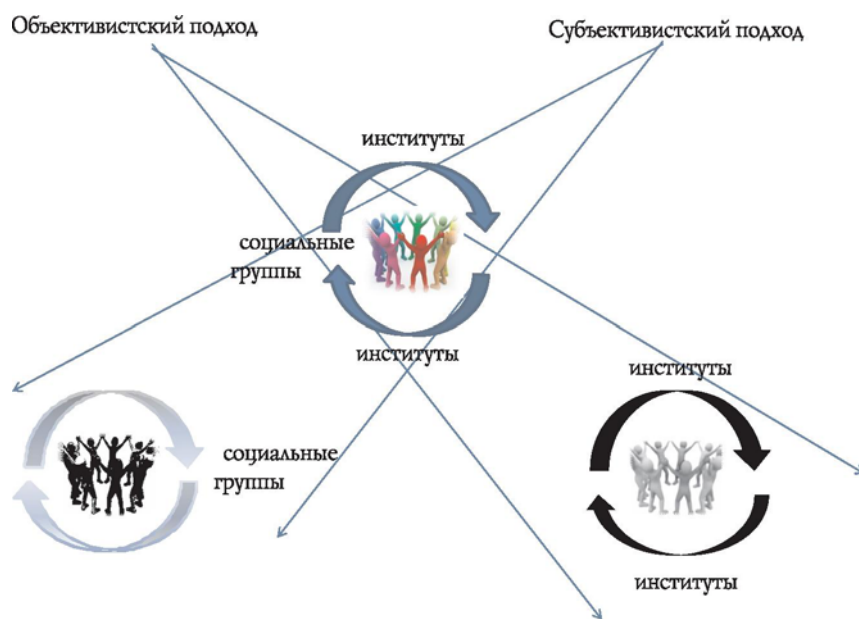

Рис.3. Специфика объективистского и субъективистского подходов к анализу социальных структур

Наличие двух подходов вполне объяснимо. С одной стороны, такой дуализм соответствует реальному устройству общества. В нем представлены как системные, образующие его устойчивые структуры, так и деятельность социальных субъектов, взаимодействующих между собой в рамках таких структур. С другой стороны, склонность к тому или иному подходу связана с психофизиологическими особенностями исследующих общество ученых, лучше воспринимающих либо структурные, либо деятельностные стороны человеческой истории. На эти особенности научного мышления указывал в своих работах А. Маслоу, который выделял у ученых склонности либо к аналитическому, либо к синтетическому способу построения концепций (Маслоу, 1999, с. 67–72).

Очевидно, что в рамках одного подхода невозможно более или менее полно объяснить социальные процессы. Поэтому объективистский (макросоциологический) и

субъективистский (микросоциологический) подходы все чаще рассматриваются в качестве взаимодополняющих, а не противоборствующих. Тем более, что в реальной жизни макро- и микроуровни взаимосвязаны. Так, Э. Гидденс пишет, что «макроструктурные свойства социальных систем воплощены в самых случайных и мимолетных локальных интеракциях», и, наоборот, «многие характерные особенности обыденных социальных действий теснейшим образом связаны с длительнейшими и масштабными процессами воспроизводства социальных институтов» (Гидденс, 1993, с. 69). Поэтому их нельзя рассматривать в отрыве друг от друга (Ритцер, 2002, с. 420).

Как в экономической теории предпринимаются попытки преодоления ограничений принципа методологического индивидуализма, так и социологи стремятся преодолеть ограничения каждого из подходов путем конструирования «интегративных социологических парадигм» (Дж. Ритцер, Дж. Александер, И. Девятко и др.). Ядов обозначает попытки построения объединяющего подхода термином «деятельностно-активистская парадигма», и к ней он относит, кроме упомянутых авторов, работы М. Арчер, Э. Гидденса, П. Бурдьё и П. Штомпки. К этому направлению можно также отнести работы П. Бергера и Т. Лукмана, Р. Бхаскара и др. (Структура и воля, 1999). Активистско-деятельностный подход, по мнению ряда авторов, выступает «метаподходом, соединяющим разные теоретические традиции для анализа взаимодействия “структуры” и “агента”» (Ситнова, 2012, с. 65).

Тем не менее, при всем значении разработок в области активистско-деятельностного подхода, в его рамках, на наш взгляд, не удастся преодолеть альтернативность субъективистского и объективистского подходов. Если А.Я. Рубинштейн, как и указанные выше авторы, полагает, что можно говорить о «синтезе микро- и макро-социологических подходов, ... сочетании холизма и индивидуализма без принудительного выбора в качестве первоосновы одного из них» (Рубинштейн, 2012, с. 16), то мы склонны считать, что в методологическом плане такого синтеза не происходит.

Так, определение структуры у Гидденса в его структура-ционной теории лишает структуру ее автономных свойств, и автор сосредотачивается в основном на рассмотрении действий социальных субъектов, фактически подходя к анализу системы с позиций субъективистского подхода и принципа методологического индивидуализма. Не признана также убедительной аргументация Пьера Бурдьё, пытавшегося найти «средний пункт между действием и структурой» (Бурдьё, 1999). Поэтому единство двух основополагающих социологических подходов в этой и других концепциях, претендующих на их синтез, продолжает «оставаться проблематичным» (Громов и др., 1996).

Объясняя сохранение специфики каждого из подходов, обратимся к похожей ситуации в физике с ее дискуссиями о природе света в первой половине XX в. Тогда одни авторы полагали, что свет представляет собой частицу, а другие – волну, при этом та и другая группа ученых опиралась на строгие данные экспериментов. Итогом дискуссии стало открытие Нильсом Бором принципа дополнительности, что привело к возникновению корпускулярно-волновой теории света. «Дополнительность, – писал Бор, – мы понимаем в том смысле, что оба аспекта (свет как волна и свет как частица) отражают одинаково важные свойства световых явлений, причем эти свойства не могут вступать в явное противоречие друг с другом» (Бор, 1961, с. 18). Анализ многолетней дискуссии между сторонниками объективистского и субъективистского подходов в социологии позволяет предположить, что в данном случае также имеет место принцип дополнительности. Оба подхода дополняют друг друга в более полном познании свойств общества, получая знания в рамках отличающихся, не сводимых друг к другу систем понятий. Несводимость в данном случае означает невозможность придерживаться одновременно двух подходов (или их «синтеза») при проведении конкретного исследования, – что не снимает возможности использования либо того, либо другого для разных исследовательских задач и объектов.

4.2. Расширительная трактовка принципа методологического индивидуализма в экономической социодинамике и теории опекаемых благ. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает попытка преодоления ограничений принципа методологического индивидуализма при построении теорий экономической социодинамики (Гринберг, Рубинштейн, 2000) и опекаемых благ (Рубинштейн, 2008, 2008а). Авторы полагают необходимым отказаться от абсолютизации принципа методологического индивидуализма и вводят вместо него так называемый «принцип комплементарности» (подробнее см. ниже). Но действительно ли речь идет о замене принципа методологического индивидуализма, или он – хотя и в расширительной трактовке, сохраняет свое содержание и, соответственно, накладывает свойственные ему ограничения на авторские теоретические схемы? Мы склонны признать, что второе утверждение более справедливо, и приведем свои аргументы.

Итак, одним из основных положений обеих теорий является включение в модель рыночного равновесия, кроме акторов с их функциями индивидуальной полезности, государства как особого актора с функцией социальной полезности, что и рассматривается как «отказ от принципа методологического индивидуализма» (Рубинштейн, 2008, с. 56). Тем самым предполагается, что методологический индивидуализм заменяется принципом комплементарности индивидуальных и социальных полезностей, более мягким и реалистичным. Данное утверждение позволяет авторам продолжить свои построения в рамках неоклассической школы экономической мысли и использовать идеи маржиналистского анализа. При этом принцип методологического индивидуализма продолжает, на наш взгляд, оставаться опорой авторских концепций.

При этом мы исходим из того, что принцип методологического индивидуализма выражается не столько в том, что анализируются функции исключительно индивидуальной полезности (как, видимо, полагают авторы), сколько предполагает «объяснение общественных явлений в терминах индивидуального поведения», как было отмечено в гл. I, п. 1. С этой точки зрения неважно, о каких игроках рынка идет речь – о фирмах или о «некоммерческой организации» под названием «государство». В соответствии с рыночными правилами и те и другие максимизируют полезность (индивидуальную или социальную) – иначе невозможно применение корпуса моделей маржиналистского направления, на которые опираются авторы экономической социодинамики и теории опекаемых благ. Государство как «дополнительный игрок, оперирующий на рынке наряду с другими его субъектами» (Рубинштейн, 2008а, с. 22), не может не стремиться к максимизации своего дохода. И авторы это отмечают: «наряду с ними [участниками рынка. – С.К.] субъектом рынка станет и государство, с присущей только ему функцией социальной полезности, которую оно и будет максимизировать в рамках находящихся в его собственности ресурсов» (Рубинштейн, 2008а, с. 79).

На наш взгляд, это соответствует предпосылке методологического индивидуализма, поскольку именно «методологический индивидуализм позволяет ... рассматривать поведение фирм в терминах максимизации полезности менеджеров, реально контролирующих ту или иную фирму, так же как государство – в терминах максимизации полезности чиновников, политиков или групп с однородными экономическими интересами» (Шаститко, 2002, с. 36). Полагаем, что неявное сохранение фундаментального принципа методологического индивидуализма в отмеченных теориях провоцирует одно из постоянных направлений их критики со стороны оппонентов. Речь идет о легко подразумеваемых возможностях произвола государства – «некоммерческой организации», реализующей так называемый «социальный интерес».

Дополнительным аргументом в пользу опоры авторов на принцип методологического индивидуализма является и то, что построенные ими математические модели имеют в своей основе модель Викселля-Линдаля. Но Виксель, по признанию Дж.

Бьюкенена, которого цитирует А.Я. Рубинштейн, исходит, прежде всего, из предпосылок методологического индивидуализма (Рубинштейн, 2012, с. 15). Авторы используют модель равновесия Векселя–Линдаля для случая вертикального суммирования функций спроса индивидуумов (в агрегатной форме) и государства как носителя общественного интереса (Рубинштейн, 2008а, с. 62). При этом благо, оцениваемое как общественное, входит в функцию полезности одновременно индивидуумов и государства и «приобретает некую двойственность: оставаясь частным благом для всех индивидуумов..., оно выступает в качестве общественного товара для пары носителей» (Рубинштейн, 2008а, с. 62) разных групп интересов – сводимых и несводимых.

Авторам приходится прибегать и к другим оговоркам. Отмечается, с одной стороны, что введение группы несводимых благ «смягчает» классическое требование взаимной независимости поведения субъектов рынка» (там же, с. 99). В то же время в предложенной математической модели рыночные игроки и государство действуют независимо, «вступая в состязательное взаимодействие ... в “борьбе” за ограниченные ресурсы» (там же, с. 60), что и приводит в конечном счете к рыночному равновесию.

Неопределенность отмеченных положений показывает, на наш взгляд, что ограничения, связанные с применением принципа методологического индивидуализма, преодолеть не удастся.

Можно найти подтверждение этому в дальнейшем развитии теории опекаемых благ как основы социального либерализма в экономической теории (Рубинштейн, 2012). Говоря о том, как же определяются «общественные предпочтения, основанные на социально одобряемых ценностях и этических нормах, идеях справедливости и целесообразности, иных социальных установках» (там же, с. 20–21), автор в итоге приходит к следующему выводу. Это будут делать некие «другие люди» из политической системы, или «то небольшое количество выбранных индивидуумов, кому остальная часть населения доверила заботиться об общем благосостоянии» (там же, с. 10). При этом иных принципов, кроме методологического индивидуализма, исходя из которых можно говорить о так понимаемых механизмах формирования общественного интереса, автор, на наш взгляд, не приводит. Более того, он прямо указывает на вытекающие из этого принципа проблемы «принципала-агента», которые могут возникнуть в ходе реализации этими «другими людьми» общественного интереса (там же, с. 14).

Подводя предварительные итоги, можно констатировать, что задача преодоления ограничений методологического индивидуализма путем его «синтеза» с альтернативными принципами (методологического холизма или методологического коллективизма) или «смягчения» окончательно еще не решена. Это характерно как для социологической, так и экономической теории.

5. Равновесие vs Развитие

5.1. Концепция «периодического долговременного нарастания риска» против принципа «общего равновесия»

Нобелевский лауреат (2001 г.) Майкл Спенс в книге «Следующая конвергенция» выдвинул концепцию, которая, по существу, отвергает возможность «общего рыночного равновесия» в долгосрочном плане (в плане десяти и более лет)³⁶. Он аргументирует эту позицию тем, что механизм саморегулирования рынка в длительном плане отсутствует, а механизм государственного регулирования не может быть эффективным. В результате почти неизбежно периодическое нарастание нестационарного системного риска (т.е. риска

³⁶ Спенс М. Следующая конвергенция. М.: Изд-во института Гайдара, 2013. (Ссылки на страницы книги даются в тексте в скобках после цитат.)

неожиданного возвращения кризисов масштаба 2008–2009 гг.), а принимаемые меры способны лишь смягчить кризисные шоки.

Следует учесть, что Спенс излагает свою концепцию в весьма осторожной и несколько расплывчатой манере, избегая прямых выпадов против теорий мейнстрима (к которому сам ранее примыкал). Поэтому в дальнейшем мы будем излагать взгляды Спенса в виде наших вопросов и ответов (в виде цитат из книги Спенса), предоставляя самому читателю судить, насколько Спенсу удалось опровергнуть постулат, согласно которому чем более длительный период роста берется, тем с большей силой проявляется закон общего рыночного равновесия (М. Фридмен, Р. Лукас-мл., А. Гринспен и др.).

Вопрос: Общее рыночное равновесие предполагает эффективное действие механизма саморегулирования. «Неоклассика» полагает, что таким механизмом является конкурентное ценообразование на товары и услуги. Вы же полагаете, что таким механизмом, особенно в длительном плане, должен служить прежде всего механизм управления риском инвесторами, причем в длительном плане, нестационарным системным риском. Как вы представляете себе этот механизм?

Ответ: После кризиса основное внимание аналитиков и комментаторов сосредоточено, как это и должно быть, на реформе регулирования, которая сможет привести к большей стабильности и к снижению вероятности периодических шоков подобного типа. Но этим дело не ограничивается. Кризис не является провалом одного лишь регулирования. Это еще и результат провала саморегулирования. Что такое саморегулирование? Это предполагаемая способность участников рынка обнаруживать изменения степени риска и реагировать на эти изменения (так, чтобы масштаб реакций был достаточным) для уменьшения кредитного плеча и пузыря на рынке активов. Если бы саморегулирование существовало, оно уменьшило бы величину пузыря и кредитного плеча и позволило бы избежать такого крутого пика. (В скобках дана коррекция перевода. – *Авт.*)

Во время нынешнего кризиса этот защитный механизм саморегулирования оказался полностью несостоятельным, и это свидетельствовало о том, что модели, используемые для оценки рисков, неполны и недостаточно динамичны» (с. 215).

Вопрос: Вы предлагаете инвесторам (включая финансовых посредников) в качестве «защитного щита саморегулирования» от системного риска реструктуризацию портфеля активов (в пользу более ликвидных, хотя и менее доходных активов), сокращение кредитного плеча (что означает снижение доходности банков), введение страхования системного риска (также весьма дорогое «удовольствие» для инвесторов). Достаточно ли этих мер без участия государства?

Ответ: Если согласиться с мнением, что периодические обострения системного риска, вероятно, станут неотъемлемой чертой нашего будущего (как они были ею и в нашем прошлом), то что можно сделать для смягчения воздействия шоков, когда они происходят? Во-первых, если инвестор думает, что способен обнаружить модель нарастающего системного риска, он может принять меры защиты в форме изменения структуры своего портфеля и (или) увеличить «страховочные» активы (страхование побочных рисков), которые смягчают шок... Разумеется, страхование зависит от способности контрагентов избежать краха, а в этом нельзя быть уверенным в случае серьезного шока наверняка, если только поддержку «погибающим», оказавшимся в чрезвычайно бедственном положении, не окажет государство (с. 221).

Вопрос: По каким индикаторам инвестор может судить об опасном нарастании системного риска?

Ответ: По этому вопросу существует огромное разнообразие мнений. Одни говорят, что пузыри не обнаружить до тех пор, пока они не возникнут. Другие утверждают, что вся необходимая информация имеется и ее можно собрать в любое время. Есть и третьи, которые не согласны ни с первыми, ни со вторыми и делают себе имя и состояние отчасти на ожиданиях бедствий в виде нестабильности или отсутствия устойчивости.

Я считаю, что, хотя нынешняя теория динамики финансового рынка и эволюции его структуры рисков далеко не полная, есть полезные показатели и есть инвесторы и аналитики, уделяющие системному риску особое внимание. Во время недавно пережитого нами кризиса растущее соотношение совокупного долга к ВВП, растущее соотношение цен на недвижимость к величине арендной платы и не нормально низкое распределение рисков могли побудить инвесторов действовать более осторожно» (с. 221–222).

Вопрос: Но почему инвесторы и многочисленные аналитики (ученые, эксперты по проблемам риска), услугами которых инвесторы пользуются, оказались столь безразличны к признакам нарастающего системного риска накануне 2008 года? То ли они не понимают скрытые (как у айсберга) масштабы системного риска, его нестационарную природу, то ли имеют ошибочное представление о механизме рынка в целом, о его институциональной и организационной структуре? А может, они не были заинтересованы в том, чтобы учитывать системный риск, ибо это понизило бы их текущие доходы? Возможно, действуют одновременно множество источников наращивания системного риска, взаимодействие которых готовит крушение общего равновесия рынка?

Ответ: Главная цель реформы регулирования после кризиса должна заключаться в выявлении и ограничении системного риска... Можно исходить из предположения о том, что проблема периодического обострения системного риска в конце концов будет решена и мы вернемся в более комфортный мир сравнительно стационарного риска без периодических дисбалансов. На мой взгляд, по ряду причин рассчитывать на это не стоит. Прошлые данные позволяют предположить, что проблема носит хронический характер и плохо поддается решению. Финансовые инновации будут появляться и дальше. Динамические источники системного риска лежат отчасти в развивающейся сетевой структуре финансовых рынков... Вряд ли к нам внезапно придет четкое понимание происходящего, которое затем найдет свое отражение в эффективных системах регулирования. Наконец, факторы, способствующие усилению системного риска на международном уровне (такие, как глобальные дисбалансы), приобретают все большее значение, и мы располагаем весьма ограниченными возможностями для того, чтобы справляться с ними. Поведение индивидуальных инвесторов и дальше будет создавать системный риск. Простая истина заключается в том, что индивидуальные инвесторы увлечены погоней за прибылью и имеют различные, но часто весьма ограниченные возможности оценивать риски, особенно периодический системный риск. И это положение вряд ли изменится (с. 223).

Вопрос: Исходя из всего сказанного, правильно ли сделать вывод, что макроэкономическая теория должна быть перестроена так, чтобы в качестве ее базового постулата служила не предпосылка о стремлении рыночной системы к общему равновесию и циклическому росту, а предпосылка о долговременном нарастании системного риска с неопределенной периодичностью, с меняющейся структурой источников риска и с изменчивыми механизмами нарастания системного кризиса? И можно ли считать, что именно эта предпосылка должна служить основой перестройки государственной и международной системы макрорегулирования? Или же выделение и учет фактора системного долговременного риска является лишь простым дополнением к уже существующим рекомендациям по краткосрочному и среднесрочному регулированию?

Ответ: Периодическое возрастание системного риска, вероятно, будет повторяться и дальше. Это должно сказаться на инвестиционной стратегии в нескольких отношениях. Кратко- и среднесрочные доходы, особенно если они высокие, не стоит принимать за точные сигналы о долгосрочной доходности, если есть компонент риска, который по природе своей носит периодический и системный характер. Аналитические исследования и институциональные действия должны включать регулярную оценку системного риска с привлечением внешних экспертов и ресурсов в сочетании с внутренней оценкой. И когда

оценка этого требует, должны предприниматься защитные действия в форме корректировки портфеля и страхования побочных рисков (с. 226–227).

Вопрос: Что касается микротехники, то концепция периодического долговременного возрастания системного риска и здесь требует нового подхода? Правильно ли считать, что инвесторы должны закладывать во все свои стратегии не только долгосрочные, но и кратко- и среднесрочные, учет системного риска, если они не хотят нести крупные потери?

Ответ: В основу инвестиционных стратегий не следует класть свойства, проявляемые системой в нормальные времена. Формулируя инвестиционные стратегии, не стоит исходить из неявного предположения о том, что периодическая нестабильность ненормальна. Сложности, связанные с оценкой системного риска, и непредсказуемость момента наступления нестабильности остаются тем, что они были всегда, то есть проблемами, а не причинами для игнорирования этих явлений (с. 227).

Это последнее высказывание в книге Майкла Спенса с точки зрения формальной логики противоречиво, поскольку термин «нормальный» в одной фразе характеризует относительное равновесие рынка, а в следующей фразе – нарушение этого равновесия вследствие нарастания нестабильности. Но такова реальность рыночной динамики: за саморегулированием и относительным равновесием рынка в краткосрочном и среднесрочном плане скрывается долгосрочное нарастание предпосылок системного кризиса.

Должна ли экономическая теория исходить из того, что данное противоречие – неотъемлемое свойство рыночно-капиталистической системы? Спенс, видимо, склоняется к этому выводу. Однако ряд других экономистов (в частности, Стиглиц, Манделл, Скидельский, Кругман, Акерлоф) полагают, что угрозу повторения глобальных кризисов несет в себе не всякий рыночный капитализм, а та его модель, которая сложилась в 1980-е – 1990-е гг. при активном участии либертарианских теорий.

5. 2. Карл Полањи о формальном и содержательном значении понятия "экономическое".

В «*Великой Трансформации*» (первое издание вышла в 1944 г., русский перевод – 2002 г.) Полањи обратил внимание на очевидное противоречие, которое не замечали неоклассики. Существование саморегулирующегося рынка невозможно без функционирования рыночных законов, однако допускать функционирование рыночных законов пока не доказано существование саморегулирующегося рынка мы также совершенно не вправе. Возникает порочный круг, выход из которого, по мнению Карла Полањи, неоклассики не нашли.

Попытка вывести эти законы из природы человека утопична. «На самом же деле гипотеза Адама Смита об экономической психологии первобытного человека, – пишет он, – была столь же ложной, как и представления Руссо о политической психологии дикаря. Разделение труда, феномен столь же древний, как и само общество; оно обусловлено различиями, заданными полом, географией и индивидуальными способностями, а пресловутая «склонность человека к торгу и обмену» почти на сто процентов апокрифична. Истории этнографии известны различные типы экономик, большинство из которых включает в себя институт рынка, но им неведома какая-либо экономика, предшествующая нашей, которая бы, пусть даже в минимальной степени, регулировалась и управлялась рынком» (Полањи, 2002, с. 56).

Поэтому он сравнивает современную индустриальную экономику с доиндустриальной, в основе которой, по его мнению, лежали три основных принципа: взаимности (реципрокности), перераспределения (редистрибуции) и домашнего хозяйства. Их содержание показано в следующей таблице (табл. 2).

Подчеркнем, что, по мнению К. Полањи, эти принципы институционализировались не с помощью экономики, а с помощью социальной организации (Полањи, 2002, с. 57).

Таблица 2

Принципы поведения в доиндустриальных системах

Принципы	Взаимность (реципрокность)	Перераспределение (редистрибуция)	Домашнее хозяйство
Базовая модель	Симметрия	Центричность	Автаркия
Сфера действия	Семья	Общество	Замкнутая группа (семья, поселение или феодальное поместье)
Цель	Воспроизводство семьи	Воспроизводство общества	Воспроизводство группы
Связи	Родственные	Территориальные	Родственные и территориальные
Регулятор процессов	Магия и традиционный этикет	Обычай и закон	Глава хозяйства (в соответствии с традициями)
Обмен	Горизонтальный	Вертикальный	Взаимный

Составлено по: Поланьи, 2002. Гл. 4.

Если мы сравним рыночный и редистрибутивный продуктообмен (табл. 3), то увидим коренные различия между ними. Методы координации в общественном разделении труда глубоко различаются в доиндустриальную и индустриальную эпохи, как и логика этого развития. «Ортодоксальное учение, – пишет К. Поланьи, – начинало с постулирования склонности индивида к обмену, дедуцировало из нее логическую необходимость появления местных рынков и разделения труда и, наконец, выводило отсюда необходимость торговли, в конечном счете – торговли внешней, в том числе даже торговли дальней» (Поланьи, 2002, с. 71). В действительности все происходило как раз наоборот. Дальняя торговля возникает гораздо раньше торговли местной. Да и внутренняя торговля в Западной Европе, считает Поланьи, возникла благодаря вмешательству государства (Поланьи, 2002, с. 70).

Таблица 3

Изменение методов координации

Критерии различий	Редистрибутивный продуктообмен	Рыночный товарообмен
В каких обществах преобладает	В доиндустриальном	В индустриальном
Характер отношений	Вертикальный (подданные – правители)	Горизонтальный (между производителями)
Конкуренция	Исключена	Широко развита
Регулирование	Централизованное	Саморегуляция
Роль денег	Второстепенная	Доминирующая
Характер обмена	Принудительный	Добровольный
Эквивалентность обмена	Не соблюдается (только возмездность)	Соблюдается при каждой купле-продаже

Основной огонь критики К. Поланьи направлен на то, что нигде и никогда не происходило автоматического превращения изолированных рынков в рыночную экономику, а рынков регулируемых – в рынок саморегулирующий. Такой процесс явился отнюдь не итогом какой-либо внутренне присущей рынкам тенденции к самовозрастанию,

а «результатом действий весьма возбуждающих средств, которые были назначены социальному организму, чтобы помочь ему в ситуации, созданной не менее искусственным феноменом машины (!)» (Поланьи, 2002, с. 70).

Саморегулирующийся рынок предполагает не только тот факт, что все продукты производятся для продажи, но и что существуют рынки факторов производства. Следовательно, труд, земля и капитал приобретают, по мнению К. Поланьи, форму «фиктивных товаров». Однако товарная форма противоречит самой природе этих ресурсов, ведь носителем труда является живой человек, а земля как таковая (реки, поля и т.д. и страна в целом), конечно, не может быть объектом купли-продажи. Понятие «фиктивные товары» несет большую нагрузку в концепции Поланьи. Поскольку он отождествляет товары с предметами³⁷ (т.е. путает социальную – товарную – форму и вещественный носитель – человек, природа, покупательная способность – этой формы), то неудивительно, что он потом пытается доказать, что факторы производства не являются сугубо вещественными (их природа шире этого понятия). Однако эта путаница не мешает ему показать, что рыночная экономика модифицирует все ресурсы, и общество, как может, пытается помешать сведению всех социальных форм к их экономическому содержанию.

О свободном рынке в Англии, по мнению К. Поланьи, можно говорить лишь в период после 1834 г., когда Спинхемленд был «отменен» и стала распространяться *laissez-faire*. Свободный рынок опирался на три принципа: конкурентный рынок труда, систему золотого стандарта и свободу международной торговли. Эти принципы, как показывает Поланьи, стали частями единого целого. Но даже в эту позднюю эпоху «дорога к свободному рынку была открыта и оставалась открытой благодаря громадному росту интервенционистских мер, беспрестанно организуемых и контролируемых из центра» (Поланьи, 2002, с. 157). Любопытно, однако, и то, что она продолжалась сравнительно недолго – каких-нибудь 30–40 лет. Уже 1870–1880-е годы стали периодом крушения ортодоксального либерализма, потому что во всех сферах стало проявляться «коллективистское» против движение.

В сфере труда были приняты законы о профсоюзах, и пышным цветом расцвело фабричное законодательство. В аграрной сфере стал набирать силу протекционизм (аграрные тарифы и другие защитные меры отечественного сельскохозяйственного производства). Конкурентные рынки все больше и больше превращались в монопольные, а во внешней сфере набирали силу империалистические тенденции. Любопытно, что это движение против экономического либерализма стало спонтанной реакцией, которая охватила все без исключения развитые страны, так что даже самые последовательные приверженцы этого учения не могли не осознать того факта, что *laissez-faire* несовместим с условиями развитого рыночного общества.

Дольше всего удержался золотомонетный стандарт. Однако он приводил к тому, что промышленные предприятия и экономика в целом работали с нарастающим напряжением. Фиксированные валютные курсы требовали особой системы мер для поддержания стабильности валюты. Это было бы невозможно без увеличения национального экспорта. Однако для колониальных и зависимых стран (с их монокультурной специализацией) увеличение национального экспорта означало только одно: падение цен. Их попытки отказа от выплаты долга неизбежно приводили к политическому вмешательству извне. В этих условиях получает распространение политика канонерок. Парадокс сложившейся ситуации заключается в том, что для

³⁷ «Понятие товара – вот что позволяет подключить рыночный механизм к разнообразным факторам экономической жизни. Товары определяются здесь эмпирически как *предметы* (выделено мною – Р.Н.), производимые для продажи на рынке; сами рынки, опять же эмпирически, определяются как фактические контракты между продавцами и покупателями» (Поланьи, 2002, с. 86).

поддержания экономического равновесия стали все чаще и чаще использовать политические инструменты.

И это касалось не только колониальных и зависимых стран (которые не могли себя защитить с помощью своего государства), но и для развитых государств. Конец XIX – начало XX вв. характеризуется стремительным ростом колониальной системы. Между великими державами начинается борьба за привилегию торговли на политически защищенных рынках. Это приводит к экономическому и политическому разделу мира. Саморегулирующимся рынкам в этих условиях неизбежно приходит конец.

Проделанный К. Полянью исторический анализ становления и развития капитализма наглядно показывает, что если саморегулирующийся рынок и существовал, то чрезвычайно короткий период; к тому же логика развития этого свободного рынка неизбежно привела его к полному краху, что ярко проявилось в годы Великой депрессии и Первой и Второй мировых войн.

Работа Карла Полянью имела большое значение, поскольку показала внеисторизм традиционных представлений неоклассиков, и остро поставила проблему исторического подхода к институтам капитализма. Это позволило последующим экономистам уделять гораздо большее внимание вопросам экономической культуры. Эти вопросы стали активно разрабатываться в альтернативных течениях: марксизме {примечание для редактора журнала: марксизм был и после Полянью}, классическом институционализме, эволюционной экономике, поведенческой экономической теории, новой институциональной теории.

Литература

- Акерлоф Дж., Шиллер Р. *Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма*. М.: Альпина бизнес букс, 2010.
- Кирман А., Коландер Д., Фельмер Г. и др. *Финансовый кризис и провалы современной экономической науки // Вопросы экономики*. 2010. №6.
- Маркс К., Энгельс Ф. *Избранные произведения*. М.: Прогресс. 1968.
- Маслоу А. *Новые рубежи человеческой природы*. М.: Смысл. 1999.
- Мюнц Э. Леонардо да Винчи. *Художник, мыслитель, ученый / Пер. с англ. Т. 1*. М.: ЗАО «БММ». 2007.
- Нельсон Р., Уинтер С. *Эволюционная теория экономических изменений*. М.: Изд-во «Дело». 2002.
- Нестеренко А.Н. *Экономика и институциональная теория*. М: УРСС. 2002.
- Новая философская энциклопедия. 2000. Т. 1. М.: Мысль.
- Новая философская энциклопедия. 2001. Т. 3. М.: Мысль.
- Новый философский словарь. dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1332/ХОЛИЗМ.
- Норт Д. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги «Начала». 1997.
- Ольсевич Ю. Неортодоксальный взгляд У. Баумоля на достижения экономической науки в XX веке и ее задачи // *Вопросы экономики*, 2002. № 12.
- Ольсевич Ю.Я. *Современный кризис «мейнстрима» в оценках его представителей (предварительный анализ)*. М.: Институт экономики РАН. 2013.
- Ольсевич Ю.Я. *О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения // Montenegrin Journal of Economics*. 2007. December.
- Ольсевич Ю.Я. 2012. *Когнитивно-психологический сдвиг в аксиоматике экономической теории. Альтернативные гипотезы*. Санкт-Петербург: Алетейя. Ольсевич Ю.Я. *Когнитивно-психологический сдвиг в аксиоматике экономической теории. Альтернативные гипотезы*. С-П.: Алетейя, 2012.
- Ольсевич Ю.Я. *Камо грядеши? Экономическая наука и политика перед фундаментальной неопределенностью рынка // Мир перемен*. 2011. №4.
- Полянью К. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя. 2002.
- Ореховский П. *Зрелость социальных институтов и специфика оснований теории общественного выбора // Вопросы экономики*, 2011. № 5.
- Радаев Вад.В. *Экономическая социология: Курс лекций*. М.: Аспект Пресс. 1997.
- Райт Э.О. *Что такое аналитический марксизм // Вопросы экономики*, 2007. № 9.
- Ритцер Дж. 2002. *Современная социологическая теория*. СПб.: Питер.

- Робинсон Дж.. Экономическая теория несовершенной конкуренции. М.: Прогресс. 1986.
- Рубинштейн А.Я. К теории рынков «опекаемых благ». М.: Институт экономики. 2008.
- Рубинштейн А.Я.. Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция социального интереса. С-Пб.: Алетейя. 2008.
- Рубинштейн А.Я. Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // *Общественные науки и современность*. 2012. № 6.
- Сакс Дж. Цена цивилизации. М.: Изд-во института Гайдара, 2012.
- Ситнова И.В. Институциональные изменения в современной России: активистско-деятельностный подход. М.: Перспектива. 2012.
- Спенс М. Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М.: Изда-во института Гайдара, 2013.
- Стиглиц Дж. Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо, 2011.
- Современная западная социология. Словарь. 1990. М.: Издательство политической литературы.
- Финансовый кризис и провалы современной экономической науки (А. Кирман, Д. Коландер, Г. Фельмер и др.). 2010 // *Вопросы экономики*, № 6.
- Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // *THESIS*. Т. 2. 1994. Вып. 4.
- Фролов Д.П. Институционализм в метаконкуренции экономических теорий // *Материалы научной сессии*. Вып. 1: Экономика и финансы. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2002.
- Фролов Д. П. Методологический институционализм: новый взгляд на эволюцию экономической науки // *Вопросы экономики*. № 11.
- Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории / Пер. с англ. М: Дело. 2003.
- Худокормов А.Г. Экономическая теория: Новейшие течения Запада: Учеб. пособие. М: ИНФРА-М. 2009.
- Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. Третье издание. М: ТЕИС. 2002.
- Шумпетер Й.А. Наука и идеология / Философия экономики. Антология. М.: Изд-во Института Гайдара. 2012.
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М., СПб.: Университетская книга. 2001.
- Ядов В. Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетних дискуссий социологов). М.: Эдиториал. 1999.
- Colander D. MONIAC, Modeling and Macroeconomics // *Economy Politica* a XXVIII, numero special, Dec. 2011.
- Fernandez Villaverde, Jesus. The econometrics of DSGE model “Series” 2010
- Galtung J. *Essays in Methodology*. Vol. I. Methodology and Ideology. Copenhagen: Christian Ejlertsen. 1977.
- Hausman Daniel M. Mistakes about preferences in the social sciences // *Philosophy of the social sciences*. 2011. N 41, published by “Sage”.
- Heilbroner R. 1970. *Understanding Macroeconomics*. USA, New Jersey: Englewood Cliffs.
- Kirdina S. From Marxian School of Economic Thought to System Paradigm in Economic Studies: The Institutional Matrices Theory // *Montenegrin Journal of Economics*. Vol. 8. Number 2. 2012. October.
- McCormick K.R. 2006. *Veblen in Plain English. A Complete Introduction to Thorstein Veblen’s Economics*. Youngstown, New York: Cambria Press.
- O’Hara P.A. *Marx, Veblen and Contemporary Institutional Political Economy: Principles and Unstable Dynamics of Capitalism*”, Cheten-ham, U.K and Northampton, Mass.: Edward Elgar. 2000.
- Woodford M. Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis // *American Economic Journal: Macroeconomics*, 2009. 1(1).
- Young D. The meaning and role of power in economic theories // In: Hodgson G. M. (Ed.), *A modern reader in institutional and evolutionary economics: key concepts*, Cheltenham: Edward Elgar. 2002.